

飛上天下米の半だてを失而を去りて至るは

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗГНАННИК

АЛЕКСАНДР НЕК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Нек

Изгнанник II

Серия «Изгнанник», книга 2

<https://litres.ru/73868656>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война пришла туда, где её не ждали. Леонард Форд, мастер-волшебник, встаёт в строй наёмников, чтобы защитить тех, кто ему дорог.

Ройнинг, Ярге, Дол-Вар. Кровь, потери и подвиги, о которых слагают легенды. Но война заканчивается. А жизнь — нет.

Посвящение в императорские маги, обучение у рыцаря престола, дипломатия и тени прошлого, которые не отпускают.

Вторая книга цикла «Изгнанник». Мир, который стоит на пороге новых испытаний.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1. Начало войны Гирдии и Империи	6
Глава 2. Битва при Ройнинге	19
Глава 3. Передышка. История меча и Нейнарт	35
Глава 4. Река Ярге	52
Глава 5. Дол-вар	76
Глава 6. Карн	95
Глава 7. Керн	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Изгнанник II

Предисловие автора

Возможно, я не до конца понимаю своего персонажа

Возможно, я ошибаюсь в своих догадках

Но прежде всего я хочу донести, не для читателя, не для себя.

А для мира, в котором он живёт.

©Александр Нек.

Эта книга — не о героях. Не о том, как победить зло и спасти мир. В мире достаточно историй, где добро побеждает, а справедливость торжествует.

Эта книга — о тех, кто остаётся.

О тех, кто смотрит, как уходят друзья, как стареют близкие, как мир вокруг меняется — а сам не меняется. Никогда.

Изгнанник — это не тот, кого выгнали. Это тот, кто изгнан из времени. Кто несёт в себе боль вечности, потерю каждого, кого успел полюбить, и знание, что это будет повторяться снова и снова.

Перед вами — вторая книга цикла. В ней больше не будет первой любви и знакомства с миром. В ней будет война, политика, кровь, предательство и люди, которые пытаются сохранить себя, когда всё вокруг рушится.

Я не обещаю хэппи-энда. Я обещаю историю, которая останется с вами.

Добро пожаловать обратно.

*Не человек, которого лишили родины,
а душа, которую боги лишили конца .*

©Александр Нек обращение к Леонарду.

Глава 1. Начало войны

Гирдии и Империи

После окончания академии я получил звание мастера. В простонародье таких, как я, называли мастер-волшебниками или мастер-колдунами — немногие студенты удостаивались этого в столь юном возрасте.

На правой руке я носил массивный серебряный перстень с печатью академии, а на правом плече — нашивку с изображением цветка Угана, символа справедливости и порядка. Её вручали только лучшим выпускникам. Всё это говорило само за себя: Магическую Академию Лавра окончил не просто аристократ, а человек с выдающимися способностями.

Стать мастером в двадцать пять лет — большая редкость. Самый известный пример — нынешний император Лавра, Анфил Лавразийский II. Он достиг этого звания уже в двадцать, а к двадцати пяти, по слухам, сравнялся силой с самим Владыкой Демонов.

Правда, Владыку никто и никогда не видел, так что сравнение это было скорее из области легенд. Но если верить молве, император наш — колдун страшный.

Большинство людей, заметивших мою нашивку, только рты разевали. Мастеров в мире хватало, но чтобы мастер — да ещё и с цветком Угана на плече?

— О Всевышний, неужели это тот самый парнишка? — перешёптывались люди, когда я проходил мимо. — Поразительно... Такой молодой — и уже мастер-волшебник...

Мальчишки, засмотревшись на меня, забывали разносить товар и тут же получали от хозяев подзатыльники.

Обо мне ходили разные слухи. О некоторых я даже не знал. Кто-то считал меня реинкарнацией Дмита I — основателя Вартагала, первой и величайшей империи континента Лавр.

Я не был ничьей реинкарнацией. Я просто оказался здесь. Но люди любят легенды.

Земли Вартагала когда-то простирались от Скалистых гор, где ныне расположена Великая Империя Гномов, до Срединных гор. Теперь в такое мало кто поверит.

Дмит I считался сильнейшим магом своей эпохи. Говорили, именно поэтому он прожил более двухсот лет и умер от старости. Были и другие сказания, но большинство из них либо утрачено в Великую войну, либо пылится в архивах императорской семьи.

И вот теперь в Империи снова появился молодой мастер-волшебник. Что это могло означать?

Я и сам не знал ответа. Но люди уже начали додумывать за меня.

Сын, ты, наверное, заметишь, что о старших курсах академии я почти ничего не пишу. Разрыв получается резкий, будто из одной жизни я сразу перешёл в другую. Так и есть.

После первого курса я почти ничего не записывал — да и записывать, по большому счёту, было нечего. Наверное, мне казалось, что жизнь в академии ничем не отличается от той, прошлой, в другом мире. Будто я уже это где-то видел, уже проживал...

Хотя нет, кое-что всё же стоит сказать. Меня узнавали на улицах. Студенты младших курсов смотрели с восхищением, старшие — с завистью. В академии поговаривали, что такого не случалось со времён самого императора, когда он стал самым молодым мастером. Говорили даже, будто и сам император поглядывает на меня с интересом. Верил ли я в это? Не особенно. Но слухи жили своей жизнью.

По-настоящему писать я начал только тогда, когда пришла война. Если бы меня спросили: «Когда ты решил оставить след?» — я бы ответил так: когда понял, что война — это монета. Орёл — вернёшься. Решка — умрёшь. И никакого третьего исхода. Никто не знает, как упадёт монета, пока не подбросит её.

Я хотел, чтобы кто-нибудь когда-нибудь, прочитав эти записи, понял, кем я был. Не героем. Не легендой. Просто человеком, который оказался в нужное время в нужном месте — или, наоборот, совсем не в том. И человеком, который не хотел, чтобы его забыли.

Войну начала Гирдия. Для всех это стало ударом: никто не верил, что они решатся напасть на Империю.

Тогда я ещё не знал причин. Узнал позже — от самого

императора. И причины эти оказались сложнее, чем простая жажда власти.

Возможно, граница пала бы в первые же дни, если бы не Северный Бастион Империи — крепость Дрезд. Её построили ещё во времена правления старого императора Ангрея Лавразийского I, и именно она приняла на себя первый удар, когда войска Гирдии перешли рубеж.

Дрезд стоял в пятнадцати километрах от границы и в восемнадцати — от ближайшего пограничного города. Достаточно далеко, чтобы не попасть под внезапную атаку, и достаточно близко, чтобы успеть прийти на помощь. Говорили, стены его были высотой в три человеческих роста, а гарнизон состоял из ветеранов, прошедших не одну кампанию. Внутри хранились запасы на полгода осады и магические усилители, позволявшие одному боевому магу сдерживать целый отряд.

Я сам там не бывал, но слышал достаточно, чтобы понимать: не будь этой крепости, Гирдия могла бы захватить приграничные города за неделю. А так Бастион висел у неё над головой, как камень, готовый сорваться в любой момент.

И вот, в доме Фордов, незадолго до моего отъезда на войну:

— Почему ты хочешь пойти на войну? — глаза Алекса горели; он изо всех сил сдерживал слёзы, и руки его дрожали. Сам он никогда не воевал, но война уже забрала у него деда — тогда Алекс был ещё совсем мальчишкой. — Зачем?

Объясни!

— Я иду защищать тех, кто мне дорог, Алекс. Свою семью. Вас. Империю. Я не прошу тебя понять меня.

Юлия ничего не сказала. Она сидела, закрыв лицо руками, и только вздрагивала. Я знал, что она плачет: видел, как дрожат её плечи.

— Брат... — Анна подошла ко мне и взяла за руку, крепко сжав пальцы. — Ты не можешь просто вот так уйти...

Она смотрела на меня так, будто всё ещё надеялась, что я передумаю.

— Всё будет хорошо, Анна, — сказал я и улыбнулся, хотя сам в это не верил.

И тут же отвёл взгляд — я не мог лгать, глядя ей в глаза.

— Не будет! — Алекс ударил кулаком по столу так, что задрожала посуда. — Как ты этого не понимаешь?

— Понимаю, — ответил я, подойдя к нему и мягко положив руку на плечо. — Лучше, чем ты думаешь, Алекс. Но я не так прост, как тебе кажется. Или ты забыл, кто стоит перед тобой?

— Мастер-волшебник, — буркнул он.

— Именно. В моём возрасте это почти невозможно. Но я смог. Значит, смогу и вернуться. Я не брошу вас. Никогда.

Анна обняла меня так крепко, будто боялась, что я исчезну прямо сейчас.

— Я не позволю им забрать у меня то, что мне дорого, — прошептал я, гладя её по голове.

Алекс встал из-за стола, вытер рукавом глаза, подошёл ко мне и молча протянул руку.

— Пусть Всевышний хранит тебя.

Я пожал её. Потом подошёл к Юлии, наклонился и тихо сказал:

— Я вернусь. Обещаю.

Она не ответила. Только сильнее сжала пальцы.

Я вышел из комнаты и направился к выходу из дома.

У самой двери остановился на секунду и поднял голову. Алекс и Анна стояли у окна. Анна прижала ладонь к стеклу, будто пыталась дотронуться до меня. Я не оглянулся. Не мог.

Они долго смотрели, как моя фигура тает в темноте вечера. Не знали, увидимся ли мы снова. Я тоже этого не знал. Но всё равно шёл вперёд, по дороге к ближайшему пункту сбора армии.

Уже ближе к ночи я добрался до лагеря возле западных ворот столицы Лавра. Вокруг, насколько хватало глаз, стояли военные палатки: белые шатры офицеров, серые — солдат, небольшие походные — разведчиков. Телеги одна за другой подвозили провизию, оружие, бочонки с водой и вином. Где-то ржали лошади, кто-то громко спорил, кто-то сидел у костра и молча чистил оружие.

У одного из костров солдат писал письмо. Бумага дрожала в его руках. Рядом другой сидел, опустив голову, и тихо молился. Я отвёл взгляд. Не хотел думать о том, сколько из них не вернётся.

Несмотря на глубокую ночь, от факелов и костров здесь было почти светло. Огонь ложился на усталые лица солдат, на потрёпанные знамёна, на землю, утрамбованную тысячами сапог. Воздух пах дымом, кожей и железом.

Я спрыгнул с лошади, отдал поводья подбежавшему конюху и направился к палатке, где, как мне сказали, принимали добровольцев.

Почему я решил искать именно наёмников, а не идти в регулярную армию? Честно — не знаю. В армии платили хорошо, и сражаться предстояло за правое дело. Но что-то внутри меня сопротивлялось.

По пути я встретил старого солдата. Он сидел у дороги и перематывал порванный сапог. Заметив мой взгляд, он усмехнулся:

— В армию собрался, парень? Не советую. Там ты — винтик. Прикажут идти вперёд — пойдёшь. Прикажут умирать — умрёшь. А с наёмниками... с ними ты сам решаешь, когда драться, а когда отойти. И шансов выжить побольше будет.

Он протянул мне мозолистую руку.

— Старый Горт. Если не помру — ещё пригожусь.

Я поблагодарил его и пошёл дальше. Может, он и был прав. Я боялся, что попаду в самое пекло и уже не выберусь оттуда. Может, не хотел становиться винтиком в военной машине. А может, просто чувствовал: с наёмниками у меня будет больше свободы. Или больше шансов выжить.

Точно я не помню. Война вообще плохо влияет на память

— в ней остаётся только то, что действительно важно.

Подойдя к большому шатру, у которого толпились люди, я встал в очередь. Когда дошёл мой черёд, шагнул к столу.

За ним сидел капитан стражи. Увидев меня, он провёл ладонью по густым усам и с любопытством прищурился.

— Кхм... Сам молодой мастер решил встать в наши ряды?

— Нет. Я не в армию. Ищу наёмников, которых призвали сюда.

Капитан нахмурился, отложил перо и скрестил руки на груди.

— Печально, — сказал он. — Ты парень молодой, крепкий. Судя по виду — маг. В армии тебе и почёт, и хорошее жалованье. А с наёмниками... сам знаешь: сборная солянка. Ни дисциплины, ни уважения. Может, передумаешь?

— Нет, — ответил я твёрдо. — Я уже решил.

Капитан вздохнул, но спорить не стал.

— Дело твоё. Тогда ищи их в трактире напротив. Сидят там, отдыхают, пока время есть.

Я кивнул и вышел из шатра. Пройдя немного по дороге, я остановился у трактира «Борд».

Внутри было тесно. Воздух пропитался запахом жареного мяса, дыма и дешёвого эля. Столы стояли вплотную друг к другу, скамейки были кое-как сдвинуты — это место явно не рассчитывали на благородных гостей. У стойки, опершись на локти, сидели двое солдат и о чём-то спорили, время от времени стуча кружками по дереву. Официантка ловко про-

биралась между столами, обходя расставленные ноги и выставленные локти.

Я огляделся. В углу, за большим круглым столом, сидели шестеро. Все разные, но объединяло их одно: каждый выглядел так, будто слишком часто смотрел смерти в лицо, чтобы продолжать её бояться.

«Правильно, — подумал я. — Чего забивать голову раньше времени».

Я подошёл к ним.

— Приветствую, господа. Можно присесть?

— Конечно! — отозвался невысокий парень с белыми волосами и широкой улыбкой. Отодвинув кружку, он освободил для меня место. — Садись, место есть.

— Спасибо. — Я сел, положив руки на стол. — Я по делу.

— По какому? — спросил мужчина с густой чёрной бородой, не отрываясь от кружки.

— Хочу в вашу команду. На войну.

За столом переглянулись. Кто-то усмехнулся, кто-то тихо присвистнул.

— Хочешь стать наёмником? — уточнил седой мужчина, разглядывая меня с любопытством. — Мы не против.

— Не так быстро, — спокойно произнёс тот, кого позже я узнал как Ворона.

До этого он молчал, сидя чуть в стороне. Невысокий, коренастый, с сединой на висках и тяжёлым, внимательным взглядом. Говорил он тихо, но так, что остальные сразу за-

молчали.

— Судя по одежде, ты мастер, — сказал беловолосый, кивнув на мой перстень и нашивку на правом плече. — Такие знаки просто так не получают. Но знак нашего отряда тоже придётся носить.

— Что для этого нужно?

Чернобородый подвинул ко мне потрёпанный лист и чернильницу.

— Подписать бумаги. И взять нашивку. На левое плечо.

Я быстро пробежал глазами по строчкам, взял перо и поставил подпись.

— Готово.

— Держи. — Он протянул мне небольшую тряпицу. На ней был вышит волк в круге, оскаливший пасть.

— Что это?

— Наш знак. У тебя на плече — Уган, цветок справедливости и порядка. А это — знак нашей стаи. Волки. Мы своих не бросаем. И бьёмся до конца.

Я убрал нашивку во внутренний карман и подозвал официантку:

— Мне пива и еды. Того же, что и им.

— Сейчас будет, — кивнула она и упорхнула к стойке.

— Ну, рассказывай, — беловолосый подался вперёд, опираясь локтями на стол. — С чего это решил в наёмники податься?

— Хочу защитить родных.

— Защита близких? — он приподнял бровь, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Это хорошо. Значит, есть ради кого драться.

Я кивнул и после короткой паузы спросил:

— А у вас? Семья есть?

За столом повисла тишина. Кто-то опустил взгляд, кто-то сделал большой глоток пива.

— Не хочу об этом, парень, — тихо сказал сидевший рядом наёмник. — Лучше скажи: как ты получил и перстень, и нашивку?

— Да, это уже интереснее, — подхватил кто-то, и напряжение сразу разрядилось.

Я отпил пива, поставил кружку на стол и на мгновение задумался. Все ждали. Кто-то откинулся на спинку лавки, кто-то, наоборот, подался ближе.

— С чего бы начать... Изначально я...

Остаток ночи я рассказывал им о себе. Мужики слушали не перебивая. Кто-то присвистнул, когда я упомянул, что стал мастером в двадцать пять. Кто-то покачал головой, когда я дошёл до первой встречи с гоблинами. А когда я замолчал, они переглянулись.

— Ну и дела, — протянул беловолосый. — Мастер сидит с нами, пьёт пиво. Не каждый день такое увидишь.

— Главное, что сила в нём есть, — сказал чернобородый. — А остальное время покажет.

Я промолчал. Война вот-вот должна была начаться, и я

чувствовал, что мне предстоит сыграть в ней какую-то роль. Какую именно — ещё не знал. Но одно понимал точно: просто пережить всё это и остаться в стороне у меня не получится.

Отряд назывался «Уган» — в честь цветка из старых сказаний. Говорили, он рос только в одном месте, да и то лишь по легендам. Никто его не видел, но символ прижился.

У каждого в отряде был позывной, хотя по именам мы тоже общались. Главного звали Ворон. Невысокий, коренастый, с сединой на висках. Голос спокойный, но стоило ему отдать приказ — и никто не сомневался, что его нужно выполнить. Лидер из него был хороший. Никаких причин не доверять ему у меня не появилось.

Именно Ворон показал мне несколько интересных приёмов с мечом, которым в академии не учили. Он же научил меня бережнее относиться к коню, пока мы ехали к границе. Падал я с седла не раз — дело это оказалось не таким простым, как я думал. До того времени верхом я почти не ездил.

С остальными я пока не сдружился. Недоверие — вещь нормальная. У каждого были свои причины держать дистанцию, и я это уважал. Но знал: со временем всё изменится.

Мы выехали на рассвете. Дорога тянулась бесконечно. Дни сменяли друг друга, а вместе с ними — леса, поля, деревни: сожжённые или брошенные. Война уже оставила след на этих землях.

Ворон оказался хорошим учителем не только в фехтова-

нии. Он знал, когда нужно говорить, а когда — молчать. По вечерам, у костра, рассказывал о своих кампаниях, о том, как выживать, когда заканчивается провизия, и как не поддаваться панике, когда вокруг умирают люди. Я слушал и заминал.

Берт, тот самый беловолосый парень, оказался балагуром. Он травил истории, от которых даже самые суровые наёмники ухмылялись. Брайн, чернобородый, молчал чаще, чем говорил, но если уж открывал рот — его слушали все. Райнинг, седой, оказался старым другом Ворона. Они вместе прошли не одну войну.

Я привыкал к ним. Они — ко мне.

Три недели пути. Три недели, чтобы понять: эти люди не бросят в беде. И я не брошу их.

Однажды вечером Берт рассказывал, как они с Брайном в молодости ограбили караван. Брайн долго молча слушал, а потом бросил:

— Врёшь, как дышишь.

— А ты не перебивай! — тут же возмутился Берт.

Мы смеялись. Впервые за долгое время. Даже Ворон улыбнулся, глядя в огонь.

Когда на горизонте показались стены Ройнинга, я уже знал: мой первый бой будет здесь.

Глава 2. Битва при Ройнинге

В этот день дождь лил как из ведра. Ветер — не сильный, но хватало, чтобы обзор стал паршивым. Мы промокли до нитки. Я вообще дождь никогда не любил — в отличие от твоей мамы.

Атака началась быстро и неожиданно. Гирдийцы обстреляли нас из катапульт, а следом пустили тяжёлую пехоту.

Когда армия подошла к воротам, мы слышали их клич. Они кричали что-то друг другу — поднимали дух. Барабаны били так, что дрожь уходила в землю, поднималась по ногам, застревала в груди. Гирдийцы умели встречать бой.

А до этого, за час до атаки, мы стояли под дождём и ждали.

– Эй, Лео! – окликнул меня Берт.

– Чего тебе? – Я даже не обернулся. – Только не говори, что опять закурить.

– А есть?

Я вздохнул, полез в рюкзак.

– Дождь льёт, какая тут трубка?

– А я под навес встану — и порядок.

– Держи. – Я протянул ему горсть табака.

– Спасибо! – Берт метнулся под крышу, чуть не поскользнувшись на мокрых камнях.

«Дурачок, – подумал я. – Хоть бы не всё сразу выкурил».

– Дождь не унимается, – неожиданно подал голос Брайн.

Он стоял у стены, прислонившись спиной к мокрому камню, и смотрел в темноту. — Враг уже близко.

Я промолчал. Тишина давила на уши. Даже дождь, казалось, стучал тише обычного. Затишье перед бурей — я знал это чувство.

— Лучники на стену! — заорал капитан. — Разведка подтвердила — враг рядом!

Вокруг забегали. Кто-то хватался за луки, кто-то проверял тетиву, кто-то просто сжимал пальцы на рукояти меча так, что костяшки белели.

— Лео! — Ворон махнул рукой. — Иди сюда.

Я подбежал.

— Магов мало, — кивнул он в сторону стены. — Если начнётся обстрел — прикроешь? Не хочу, чтобы всех положили после первого залпа.

— Сделаю барьер. От пары снарядов удержу.

— Отлично. Займись.

Я развернулся и пошёл на стену. Ноги вязли в грязи, плащ хлопал по голенищам сапог. Наверху было ветрено. Стрелки уже заняли места, кто-то молился, кто-то просто смотрел вдаль, туда, где в серой пелене дождя угадывались тени.

— Райнинг, Брайн! — крикнул Ворон снизу. — Баллисту и зажигательные на позиции!

— Есть!

— Берт, Жан — дуйте за оружием. Найдите что-то получше этих лохмотьев.

– Поняли, командир!

– Шестой, – Ворон повернулся к последнему, – со мной. Будем смолу варить. Если полезут по лестницам — встретим как надо.

– Хорошо.

Подготовка к битве шла полным ходом. Основные силы уже были на стенах города, остальные ждали у ворот.

Я стоял на стене, сжимая меч. Рядом кто-то тяжело дышал, кто-то шептал молитву, кто-то просто молчал и смотрел в темноту.

А потом пришёл гул. Сначала далёкий, потом всё ближе, ближе. Катапульты противника начали обстрел. Снаряды с грохотом врезались в стены, кроша камень. Один пролетел так близко, что я инстинктивно пригнулся. В лицо ударило ветром, пылью и мокрой извешткой.

Я не стал тянуть и развернул магический барьер.

– Ложись! – крикнул Ворон. – Лео, как барьер?

– Держится. Пока ни одного прямого попадания.

– Второй, баллиста готова?

– Так точно!

– Жди сигнала. Как только подойдут — бей.

Катапульты вдруг смолкли.

Наступила тишина. Такая, что стало ещё хуже.

– Что-то готовят, – сказал я.

– Командир! – крикнул Второй. – Глядите!

Из-за холмов показались ряды гирдийской пехоты. Они

двигались медленно, но неумолимо. Строй, знамёна, сигнальные рога.

– Баллисту к бою! – скомандовал Ворон.

Первый выстрел разметал передний ряд, но гирдийцы просто сомкнулись и пошли дальше. Сразу запели тетивы луков — стрелы посыпались на стены.

– Лестницы!

– Тарна!

– На стены лезут!

Внизу уже копошились солдаты. Лестницы ударили в зубцы стен, таран с глухим стуком бил в ворота.

– Сбрасывай их! Сбрасывай! – орал кто-то рядом.

Мы наваливались на скользкие древки, опрокидывали лестницы вниз, но враг лез снова и снова. Гирдийцы шли почти молча — только лязг стали, хриплое дыхание и стук сапог по дереву.

– Они ломают ворота!

Ворон выругался и рванул к лестнице:

– Лео, за мной! Остальные — держать стены!

Я уже собирался спускаться, когда снаружи снова грохнуло. Камень под ногами дрогнул. Где-то справа заорали раненные.

Когда мы добрались донизу, стало ясно — дело дрянь.

– Лео! Они окружают нас! – Ворон сплюнул кровь на плитки.

Я быстро огляделся. В проходе уже теснилась вражеская

пехота. Наши отступали шаг за шагом.

— Командир, отступайте. Берите всех и уходите за ворота. Я их задержу.

— Ты спятил?! Либо все, либо никто!

— Валите! — заорал я. — Я сказал — задержу, значит задержу!

Он смотрел на меня секунду, потом сжал зубы и гаркнул:

— Парни, отодим!

Внутренние ворота начали открывать. Солдаты побежали по дороге. Я дождался, пока последние проскочат, и ударил огнём по створкам. Дерево вспыхнуло, железо раскалилось. Следом я вбил в основание магию земли, намертво запечатав проход.

— Вернись живым! — донеслось с той стороны.

Я уже почти не слышал.

Ворота закрылись.

И я остался один.

День первый.

Они лезли волнами. Я стоял в проёме ворот и рубил. Меч Марии светился тусклым синим, и каждый удар отдавался в руках болью. К концу дня я сбился со счёта. Тела лежали кучами, кровь застывала на камнях, смешиваясь с дождём.

Ночь первая.

Я сидел на стене, перематывая разбитые ладони. Внизу горели костры. Гирдийцы не уходили. Они готовились к новому штурму.

День второй.

Пришли маги. Я отбивался огнём и ветром, но один снаряд всё-таки достал меня — задел плечо, отбросил к стене. Я поднялся, вытер кровь с лица и снова встал в проём.

Ночь вторая.

Я не спал. Глаза слипались, но стоило закрыть их — и передо мной вставали лица тех, кого я убил. Я перестал их считать.

День третий.

Они притащили таран. Я поджёг его с двух сторон, но они успели ударить по воротам. Каменная кладка треснула. Я запечатал её землёй, но понял: долго не продержусь.

Ночь третья.

Я сидел на стене, свесив ноги, и курил. Руки дрожали. В голове шумело. Я не знал, сколько ещё продержусь. Может, день. Может, два.

День четвёртый.

Они снова пошли. Я уже не чувствовал боли. Меч двигался сам, как будто Мария билась вместо меня. К концу дня я понял, что не помню, как выглядит солнце. Только дождь и серое небо.

Ночь четвёртая.

Я не плакал. Я просто сидел и смотрел в темноту. Где-то там, за стенами, ждали Алекс и Юлия. Анна. Но я не знал, увижу ли их когда-нибудь.

День пятый.

Магия кончилась. Я бился мечом, как простой солдат. Руки онемели, ноги подкашивались, но я стоял. Потому что, если я упаду — никто не встанет вместо меня.

День шестой

Они уже не лезли так нагло. Подходили осторожнее. Боялись. И правильно делали. Я тоже их боялся — но отступить было некуда.

День седьмой

Своих я услышал раньше, чем увидел.

Рога.

Крики.

Топот копыт.

Гирдийцы дрогнули и побежали.

Я опустился на колени прямо в лужу крови и грязи. Подняться уже не смог.

Потом была темнота.

А когда я пришёл в себя, то лежал в лазарете, и кто-то сказал, что я продержался неделю.

Один.

В стане врага

– Что?! – генерал Энхерт в ярости швырнул кружку об стол.

Та разлетелась на куски, вино потекло по карте.

– Какого хрена мы не в городе?! Один человек остановил целую армию?!

– Он слишком силён, генерал, - осторожно ответил офицер. - За день он положил полсотни бойцов. И нашего мага тоже.

Энхерт сжал кулаки так, что побелели костяшки. Губы его тряслись. Он сдерживался, но было видно, как тяжело ему даётся это спокойствие.

– Плевать! – рывкнул он. – Вы, сукины дети, побежали от одного пацана побежали?!

В шатре повисла тишина. Никто не смел поднять глаза.

Энхерт тяжело выдохнул, сел в кресло и закурил трубку. Руки у него всё ещё дрожали, но голос стал тише.

– Ночью штурмовать смысла нет. Пусть солдаты отдыхают. А завтра...

Он не договорил.

Полог шатра откинулся, и внутрь вошёл высокий рыцарь в серебряных доспехах, на шлеме — роза. Он поклонился и протянул свиток.

– Генерал, письмо от короля.

Энхерт развернул его, быстро пробежал глазами. Лицо у него стало жёстким.

– Всё понятно. Завтра утром — штурм. Город взять. Мага — убить.

– Будет исполнено, – ответил рыцарь и вышел.

Энхерт остался один. Он смотрел на карту, на город, который не могли взять уже неделю. Потом перевёл взгляд на догорающие угли в походной печи.

– Кто же ты, мать твою, такой? – тихо спросил он, обращаясь к пустоте.

В военном лазарете.

– Где он? Где Леонард Форд? – Ворон влетел в лазарет, не скрывая гнева.

Санитар молча ткнул на дальнюю койку.

Внутри пахло кровью, потом и травами. Раненые лежали вповалку – кто на койках, кто прямо на полу. Ворон прошёл в самый конец, туда, где на узкой кровати, почти полностью перебинтованный, лежал Леонард.

Ворон сел рядом.

– Говорил же: не геройствуй. – устало сказал он. – Рад, что ты жив.

Леонард молчал. Смотрел в потолок так, будто не видел вообще ничего.

– Неделя, – продолжил Ворон. – Целую неделю ты там продержался. Один. Теперь тебя так и зовут — герой Ройнига.

– Герой-пустышка, – хрипло отозвался Леонард. – Я убил столько, сколько армия за месяц не положит. И что?

– Лежи спокойно. – Ворон положил руку ему на плечо. – Ты не представляешь, что о тебе император говорит.

Леонард криво усмехнулся. Из губ потекла кровь.

– Герой Ройнига, значит?

– Эй! – Ворон наклонился. – Я сказал — лежи. Император

гордится тобой. Да, город мы сдали... Но две недели осады — это не зря, тем более гирдийцы стянули много сил на город. А ты тут уже вторую неделю валяешься.

— Вторую? — Леонард повернул голову. — А мне казалось, прошёл день.

— Тебе казалось много чего, — Ворон усмехнулся, но без злости. — Ты был без сознания почти всё это время. Тело восстанавливалось.

Леонард замолчал. Глаза снова уставились в потолок.

— Запомни, друг, — Ворон понизил голос, — война только начинается. Враги не отступят. К ним скоро присоединятся другие.

Леонард повернул голову и посмотрел на него впервые за весь разговор.

— Тогда будем биться до последнего.

— Отдыхай, — Ворон встал. — Ещё навоюешься.

Леонард пролежал в госпитале ещё неделю. Восстанавливался медленно — тело помнило каждую рану, каждую сломанную кость. Магия возвращалась не сразу, но он терпел. Он научился терпеть.

Когда он наконец вышел, армия уже готовилась к новому броску — на холмы Ройнинга. Солдаты перешёптывались, глядя на него.

«Герой Ройнинга», — говорили они.

Леонард не слышал. Или делал вид.

Бои на холмах Ройнинга

— Удерживайте позиции, мать вашу! — орал командир, отбивая удар. — Скоро наши основные силы подойдут!

Я пришпорил коня и рванул в самое пекло, не дожидаясь, пока армия подтянется.

— Это же Лео!

— Парни, в кольцо!

— Держать строй!

Я влетел в гущу боя, сбил с ног двоих и рубанул третьего прямо с седла.

— Рад, что ты с нами! — крикнул командир, всаживая меч в очередного гирдийца. — Получай, свинья!

— Я тоже рад, командир.

Я встал в строй и начал отбивать удары вместе со всеми. И тут краем глаза заметил движение. На поле легла тень.

— Срань господня! Это ещё что такое?!

Я обернулся.

Голем.

аменная махина этажа в три, с пустыми глазницами и руками, как у башни.

— К нему не подходить! — заорал я. — Растопчет как мух! Я беру его на себя!

— Лео, осторожнее!

Я рванул к нему. Под ногами вздыбилась вода, взметнулась гребнем, и я понёсся вперёд по грязи и лужам, сшибая по пути тех, кто не успел убраться.

Голем развернулся, занёс руку для удара.

— Бегите! — орали гирдийцы. — Бегите, идиоты!

Свои и чужие бросились врассыпную.

Я спрыгнул с водяной волны, ударил ладонями в землю и прошептал заклинание.

Почва дрогнула.

Из-под неё с грохотом поднялся мой голем. Чуть меньше, но быстрее. Каменные плечи, тяжёлые руки, рваные очертания, будто его сам бой вылепил.

Я запрыгнул ему на плечо.

— В бок! Живо!

Мой голем развернулся и с хрустом врезал врагу по ребру. Тот качнулся, но устоял.

— Ещё! Снизу!

Удар в корпус, рывок вверх — и вражеская махина просела на одно колено.

— Добей!

Каменный кулак влетел ему снизу в голову. Вражеского голема подбросило. Я тут же вскинул руку.

— Молния!

Небо полыхнуло. Разряд ударил точно в каменную тушу.

На мгновение всё вокруг стало белым.

А потом голем рассыпался на куски.

— Вот это даёт... — выдохнул кто-то из наших.

— Берт, не зевай! — рявкнул командир, пробивая доспех очередному врагу.

Гирдийцы дрогнули.

— Отступаем! Отступаем! — понеслось над полем.

— Парни, отходим! — скомандовал Ворон.

Обе армии откатились за холмы, оставив между собой полосу мёртвой земли.

Ночью мы сидели у костра, грели руки и молчали. Война дала передышку.

— Голем, мать его за ногу... — выругался Берт.

— Ворон, — Райнинг отвлёкся от чистки меча.

— Да? — Ворон хлебнул супу.

— Мага их убили? Или он тоже слинял?

— Спроси у второго отряда. Мне не до него было.

— Значит, слинял, — буркнул Райнинг.

— Неважно, — подал голос Леонард, затягиваясь сигаретой. — Маг он так себе. Голем у него почти весь резерв сожрал.

— Думаешь? — спросил Брайн.

— Знаю. Я таких создавать долго учился. Он мне в подмётки не годится.

— Будем надеяться, — отозвался тот.

— Что завтра? — Берт почесал затылок. — Опять резня на холме?

— Скорее всего. — Ворон отставил миску. — Командование решило так: первый и второй отряды держат центр. Мы — с ними. Третий и четвёртый заходят с флангов. Пятый —

конница — бьёт в тыл. Холм надо занять до зимы.

— А переправа Уйдинга?

— Наша. Уже две недели. Там укрепления, провиант, подкрепление. А вот с Нардингом... — Ворон помрачнел. — Гирдийцы держат его уже три недели.

— Не в нашу пользу расклад, — вздохнул Берт.

— Именно. Потому туда и бросают войска. Надо брать до зимы.

— Значит, война затягивается, — Жан покачивая головой.

— Несомненно.

— А запад? — Райнинг поднял голову. — Священный Ковенант не врежет?

— Не до нас им, — усмехнулся Ворон. — У них там своих проблем по горло. Церковь власть укрепила, а внутри всё так же трещит по швам. Первосвященнику сейчас не до внешней войны.

— А юг?

Ворон покачал головой:

— Тишина. Ничего нового. Скорее всего, не полезут. Границы держат.

— Лео, как раны? — Берт ткнул его в плечо.

— Нормально.

Лео докурил одну сигарету и сразу прикурил другую.

— Орки гирдийцев не теснят?

— Не трогают, — ответил Ворон. — Эльфы вообще молчат. А вот гномы нам помогают. Тайно. Хорошо, что враги

об этом не знают.

Райнинг окинул взглядом разбросанное снаряжение.

— Ладно, пора спать. Завтра опять в мясорубку. И всё это ради чего?

— Ресурсы, — холодно сказал Лео. — Территория. Деньги. Как всегда.

Он глянул на фляги Райнинга.

— Пополнить помочь?

— Серьёзно? — тот оживился. — Давай, брат. Быстро закончим — и на боковую.

Бой кипел уже который час. Солнце стояло высоко, ветер охлаждал потные лица. На холмах люди рубились небольшими группами — скрежет, ругань, вопли.

— Ух! — Ворон вытер пот со лба и тут же ушёл в сторону, пропуская удар. Противник качнулся вперёд, и Ворон, не давая ему опомниться, рубанул снизу по ногам. Тот отскочил, но Ворон уже делал шаг, заносил меч сбоку — и противник, парировав, пропустил контратаку. Получил разрез по спине и рухнул.

— Ворон! — Райнинг подбежал, запыхавшись. — Наши с флангов зашли! Конница скоро ударит, зажмём их!

— Понял! — Ворон оглядел поле. — Лео, давай в центр! Покажи им, что такое настоящий маг!

Я кивнул и рванул в самую гущу. По пути отбивался, резал, уходил от ударов — работал как машина.

До центра не дошёл. Со стороны леса нарастал гул — конница. Имперцы теснили гирдийцев с трёх сторон, и те наконец дрогнули.

Я метал молнии и огненные шары, не давая врагу перестроиться. Гирдийцы закричали — конница врезалась им в спину. В центре стало тесно, свои и чужие перемешались.

Пора убираться, пока свои же не зацепили.

Я ударил в землю — из неё взметнулись каменные столбы. Запрыгнул на один, потом на другой, третий... Поднялся высоко, рванул молниями по столбам, разнося их в щебень. И повис в воздухе, удерживая себя магией ветра.

Сверху поле было как на ладони.

Имперцы давили со всех сторон. Гирдийцы сбились в кучу в центре и бились отчаянно, как башенные псы в загоне.

«Моя помощь здесь уже не нужна», — подумал я, окидывая взглядом поле. — «Пора возвращаться».

Глава 3. Передышка.

История меча и Нейнарт

Снова наступила ночь. Костёр потрескивал, выстреливая искрами в тёмное небо. Ветер доносил запах дыма, жареного мяса и сырой земли. Кто-то перебирал снаряжение, кто-то молча смотрел в огонь, Райнинг вёл свой разговор с Бертом. Брайн успел прикорнуть на бревне, но, услышав шаги барда, тут же открыл глаза.

— Можно к вам?

Мы обернулись. У края света стоял парень с лютней. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами, будто не спал неделю. Одежда бедная, потрёпанная, но лютню он держал бережно, как ребёнка.

— Ты кто? — буркнул Берт.

— Бард, — парень кашлянул. — Марий. Марий Дуарт. Услышал, что тут армия стоит. Дай, думаю, зайду, сыграю. Если примете.

Ворон молча кивнул на место у огня. Бард сел, покосился на Леонарда, но ничего не сказал.

«Интересно, как такого занесло в солдатский лагерь?» — подумал я. Но спрашивать не стал. Время покажет.

— Конечно, место есть, — Ворон махнул рукой.

Бард пристроился рядом с Леонардом и Бертом, уложив

лютно на колени.

— В общем, — Райнинг вернулся к разговору, — гирдийцев мы с холма сбили. Ушли они в лес. Далеко.

— Отлично! — Берт хлопнул себя по колену. — Значит, на Горнниг пора?

— Рано, — сказал Леонард, не поднимая глаз и продолжая мягкой тканью протирать меч. — Они в лесу. А выковырять их оттуда будет непросто. Если только лес не сжечь дотла.

— Ну что ж вы так, милсдари! — подал голос Марий. — Это же Нейнарт. Священный лес!

— Священный, — буркнул Брайн. — Говно это, извиняюсь за выражение, а не священный лес.

— Брайн, — Ворон метнул в него недовольный взгляд, помешивая угли палкой. — Однажды я услышал о Нейнарте от старого солдата, ещё при службе. Он сказал, что лес этот не простой. Деревья там помнят то, что люди забыли, а друиды берегут его как зеницу ока. И гирдийцам там не поздоровится, если они сунутся туда.

— Друиды, — Берт сплюнул в костёр. — Мы их не трогаем, они нас. А гирдийцы там — гости незваные. — Он усмехнулся.

— Друиды охраняют не лес, — Лео отложил меч, достал самокрутку и закурил, — а артефакт, сокрытый в нём.

— Артефакт? — Марий подался вперёд.

— Меч, — Леонард выпустил облако дыма, от которого бард закашлялся. — Меч Элдан.

— Живой меч? — Брайн почесал затылок. — Что-то не припомню такого. Ни в историях, ни в песнях. Только рос-сказни да слухи.

— О нём мало кто знает, — голос Леонарда стал холоднее металла. — Я был в том лесу. Давно, когда ещё учился.

— Ну?! — Берт подался вперёд. — Не томи, Лео. Рассказывай!

Леонард сделал ещё одну затяжку, выпустил дым в холодное ночное небо и, помолчав несколько секунд, начал:

— Было это на третьем курсе. Прозвище у меня тогда было — Сильнейший. Летом решил я съездить на север. Людям помочь, заодно разузнать, что там и как. А в тех краях слух ходил: эльфийка в лесу объявилась. Чего люди боялись — не пойму до сих пор. Меня это не смутило.

Я отправился в лес. В самую глубь. Добирался пару дней, пока не дошёл до сердца Нейнарта. Конечно, тогда я не знал, что друиды охраняют его, но даже сам факт, что они подпустили меня так близко, настораживал.

Все притихли у костра. Даже ночь будто стала тише, и только голос Леонарда звучал в этой тишине. Кто-то из спящих солдат подошёл ближе, бросив свои дела.

— И что там? — не выдержал Берт.

Леонард не торопился. Ещё одна затяжка. Вдох — выдох. Дым взметнулся вверх, и он продолжил:

— Дерево. Огромное, необъятное, выше любой башни. Корни — толстые, словно осадные башни, уходили глубоко

в землю, будто держали на себе весь мир. А на ветвях — домики. Из палок, листьев, травы. В них жили дриады — юные защитницы леса. Красиво. Сказочно.

Он помолчал, глядя в огонь.

— Но не это меня удивило. Удивило то, что они меня не прогнали. Я чувствовал на себе их взгляды — сотни глаз из темноты. Они следили, но не трогали. Я дошёл почти до самых корней. И там встретил друида.

Воздух там был другим — густым, пропитанным древностью. Даже ветер, казалось, не решался нарушить тишину. Листья шептали на языке, которого я не знал, но почему-то понимал.

А потом из тени вышел он.

— Приветствую тебя, гость из внешнего мира, — старый друид поклонился. — Я старейшина Нейнарта, Отец дриад, хранитель леса.

— Приветствую тебя, старейшина Нейнарта, Отец дриад и хранитель леса, — я повторил его жест, насколько смог. — Я Леонард Форд из Империи Лавра.

Друид улыбнулся уголками губ. В его глазах, цвета коры старого дуба, мелькнуло что-то — то ли любопытство, то ли давно забытая память. Он медленно двинулся к одному из домиков у корней дерева. Я последовал за ним.

— Что привело тебя сюда, Леонард из Лавра? — спросил он, не оборачиваясь.

— Эльфийка, — ответил я коротко. — Люди поговаривают, видели её в этом лесу. Высокая, чёрные волосы до плеч, платье цвета сочной травы, запах цветов и дождя веет за ней. Красота, которая завораживает с первого взгляда.

Я не сказал, что сам не верил в слухи. Я сказал то, что слышал. Но в голосе, кажется, прозвучало больше, чем я хотел.

Старейшина остановился. На его плечо села красная птичка, блеснула глазом-бусинкой, будто сама природа замерла, слушая.

— В нашем лесу нет эльфов, — спокойно ответил он.

Я сделал шаг вперёд. Птичка встрепенулась, но не улетела.

— Не стоит меня обманывать, старейшина. — Мой голос стал твёрже, холоднее. — Я чувствую иные магические потоки, исходящие отсюда. И знаю... точнее, ощущаю её присутствие здесь.

Я не сказал, что эти потоки были слабыми, почти умирающими. Не сказал, что они пульсировали в такт моему сердцу. Это было не важно. Важно было, чтобы он понял: я не уйду.

Птичка вспорхнула и улетела. Старейшина долго молчал. Потом вздохнул.

— Ты прав. — Он спокойно развернулся ко мне. — Она здесь.

Он снова пошёл дальше.

— Израненная, умирающая. Мы пытались помочь, но... даже наша сила бессильна.

«Вот так просто? — подумал я. — Ни спора, ни попытки скрыть? Либо они действительно хотят ей помочь, либо в этом есть что-то ещё, что он утаивает».

— Я не враг, — тихо сказал я. — Я могу помочь.

Друид остановился у маленькой двери и приоткрыл её.

— Вряд ли ей уже кто-то поможет, Леонард из Лавра. Она угасает, как последняя звезда на небе.

Я шагнул внутрь. В домике пахло сыростью, сухими травами и чем-то сладким, приторным — запахом, который бывает у тех, кто уже почти ушёл.

На грубо сколоченной лежанке, укрытая ветвями и мхом, лежала эльфийка. Чёрные волосы разметались по подушке из листьев. Лицо — белое, как снег. Она не двигалась. Даже дыхание, казалось, замерло.

Я подошёл к лежанке, остановился в шаге от неё. Прислушался.

Тишина.

Я медленно развёл руки, сложил пальцы в странный знак и тихо произнёс слово, которого старейшина никогда не слышал. Магия отозвалась не сразу — будто сомневалась. А потом потекла, горячая и тяжёлая, по венам, собираясь в груди.

Из земли, из стен, из самого воздуха потянулись тонкие корни. Они мягко, почти нежно опутали тело эльфийки, укрывая её, словно одеялом.

— Что ты делаешь? — встревожился старик.

— Спасая. — Я не обернулся. Голос прозвучал глухо —

я уже был не здесь. — Идите. Я побуду с ней один.

Друид помедлил. Я слышал, как он переступил с ноги на ногу, как тяжело вздохнул. Потом дверь скрипнула, и он вышел.

Я остался один с умирающей.

Он вернулся только на следующий день.

Эльфийка сидела на лежанке — живая, бледная, но живая. Её глаза были открыты. В них ещё не было жизни, но уже не было и смерти.

А я сидел на полу, скрестив ноги в странной позе, которой старейшина никогда не видел. Глаза закрыты, дыхание ровное, но сам я был где-то далеко... Я медитировал. Внутри было пусто. Не больно — просто... ничего.

Старейшина долго смотрел на меня. Потом перевёл взгляд на эльфийку, снова на меня.

— Как? — прошептал он. В голосе не было любопытства. Было что-то другое. Страх? Благоговение? Я не знал. — Даже мы не смогли...

Эльфийка покачала головой. Она не знала. Смотрела на меня так, будто видела впервые, хотя я спас ей жизнь.

«Кто же ты такой, Леонард из Лавра?» — будто прочёл я в его взгляде. Или мне показалось.

Через час я медленно открыл глаза. Внутри всё ещё было пусто, но тяжесть ушла. Я встал с пола, пошатнулся — ноги затекли, тело не слушалось. Пришлось опереться на стену, чтобы не упасть. Давно не делал такую медитацию. Видимо,

много сил пришлось восстановить.

В домике никого не было. Только слабый запах трав и тишина.

Я вышел наружу. Свежий воздух ударил в лицо, и я на мгновение закрыл глаза, вдыхая его. Пахло мхом, влажной землёй и цветами. Странно. Раньше этого запаха не было.

Пройдя немного, я опустился на корень старого дерева и замер. Вокруг, насколько хватало глаз, цвели цветы. Красные, синие, жёлтые — они сливались в радужное море. Тишина. Только шмели жужжали да кузнечики стрекотали где-то в траве.

«Как дома, когда я видел цветник матери...» — подумал я. И сразу отогнал эту мысль.

— Леонард из Лавра, — позвал меня другой друид, молоде старейшины и худее его. На нём были простые одеяния, в руках — посох с тускло мерцающим изумрудом на верхушке. — Старейшина ожидает вас. Идите за мной.

Я последовал за ним. Мы поднялись на самый верх Нейнарта. Там, на каменной площадке среди кругов из валунов, стояли старейшина и спасённая эльфийка.

— Благодарю тебя, Леонард из Лавра, — поклонился старейшина. — Мы не смогли её исцелить... Как же тебе это удалось?

— К вашему сожалению, старейшина, я не могу сказать, как это сделал. Меня попросили об этом не говорить никому. Даже вам, хранителям леса.

Старейшина нахмурился.

— И кто же попросил?

— Элдан.

Я произнёс это имя тихо, но оно прозвучало как удар колокола среди ясного дня. Воздух вокруг будто застыл. Даже ветер перестал шептать в ветвях.

Старейшина побледнел. Ноги его слегка подкосились, он крепче сжал посох, и я увидел, как побелели костяшки пальцев. Он молчал долго. Очень долго.

«Он знает это имя. И оно его пугает», — подумал я.

— Не может быть...

— Я понимаю, вам трудно в это поверить, — мой голос стал холодным, как сталь. — Но я должен задать этот вопрос: зачем?

— Что — зачем?

— Почему она в плену?

Старик молчал долго. Наконец выдохнул:

— Этого... я не могу сказать.

— Тогда я пойду сам. — Я развернулся. — Я должен её увидеть.

— Это невозможно! Никому не дозволено...

— Я могу переместиться туда в любой момент, — резко обернулся я к старейшине. — И никто меня не остановит.

В глазах у меня мелькнул огонь, аура стала плотнее.

Старейшина смотрел, как я ухожу, и понимал: это не угроза. Это правда.

Леонард замолчал. У костра стало совсем тихо.

— Ну?! — Берт толкнул его в плечо. — Что дальше, Лео? Живой меч! Эльфийка-красавица! Да ты везунчик!

Леонард усмехнулся.

— Не перебивай, Берт. Дальше — в другой раз. Нам ещё до Знаринга топать. Отдохнуть надо.

— Чтоб тебя! — выругался Брайн. — На самом интересном месте! Скажи хоть: ты с ней... ну это?

Леонард вздохнул.

— Нет, Брайн.

— Врёшь.

Кто-то из солдат усмехнулся. Берт хотел что-то добавить, но Леонард уже поднялся.

— Ладно, бывайте, — бросил он, не оборачиваясь, и пошёл к палатке.

Утро встретило нас холодом и сыростью. Армия двинулась к Знарингу. Осень вцепилась в землю дождями и ветрами, дороги развезло, обозы вязли в грязи. Месяц пути превратился в испытание.

Когда добрались до места, даже выдавшие виды наёмники выдохнули с облегчением. Лагерь разбили на небольшом возвышении у подножия холмов. Палатки ставили под дождём, но никто не жаловался — все хотели только одного: согреться.

— Установить лагерь! — орал какой-то командир, пере-

крывая шум. — Ящики к складу! Живо, мать вашу!

Берт стучал зубами, пытаясь закутаться в плащ.

— Лео, дай огня! А то не костёр, а слёзы одни.

Я поджёл дрова. У огня постепенно собралась вся команда. И Марий — теперь уже свой, за месяц пути он стал почти таким же, как мы, — пристроился рядом с лютней.

— Надолго здесь? — спросил он, поёживаясь.

— Всю зиму, — ответил Ворон. — Ты с нами, Марий. Только учти: мы наёмники, а ты... трубадур.

— Я в курсе, командир, — Марий улыбнулся. — Мне у вас нравится.

Берт, едва согревшись, тут же вспомнил:

— Лео, ты ж обещал рассказать про Нейнарт!

— Точно! — подхватил Брайн. — Обещал — давай!

Леонард отпил чая, поставил кружку на землю, посмотрел в огонь. Вокруг сразу притихли — даже Берт перестал ёрзать.

— Ладно, — сказал он. — Слушайте.

Винтовая лестница уходила вниз, в самую тьму Нейнарта. Дерево скрипело под ногами, воздух становился тяжелее с каждым шагом. Солнечный свет давно остался где-то далеко наверху.

Темнота была плотной, почти осязаемой — дальше собственного локтя не видно. Я создал в ладони светящийся шар и пошёл вниз. Лестница казалась бесконечной, но нако-

нец под ногами хлюпнула вода.

Я ступил на дно. Влага доходила до щиколоток. Я двинулся вперёд, вслушиваясь в тишину.

Вскоре показался просвет. Кострище. Палатка. Дерево, у корней которого лежали доспехи. И большой камень, на котором сидел силуэт.

— Леонард... — Голос был тихим, но отчётливым. — Подойди к костру.

Я шагнул — и костёр вспыхнул сам собой. Я сел у огня, почувствовал, как слабо пляшут огоньки на углях, достал из пространственного кольца булку хлеба и принялся жевать. Давно не ел.

Рядом со мной опустилась девушка. В темноте её лица было не разглядеть — даже свет костра не отражался на нём, будто она сама была частью этой тьмы. Но тепло от неё шло такое, что костёр казался лишним. Она прижалась ко мне, положила голову на плечо.

Я не отодвинулся. Не потому, что не мог — потому, что не хотел. Впервые за долгое время мне не нужно было ничего объяснять, защищать, доказывать. Она просто была рядом. И этого было достаточно.

От неё пахло лесом и дождём. И чем-то ещё — тем, что бывает только у тех, кто слишком долго ждал. Я не знал, сколько мы так просидели. Может, минуту. Может, час. Время здесь текло иначе.

— Элдан, — сказал я тихо, боясь нарушить тишину. —

Чем мне отплатить?

Она не подняла головы. Только чуть крепче прижалась. Я почувствовал, как дрожат её плечи — не от холода.

— Забери меня... — прошептала она. Голос дрожал, но в нём была надежда. Такая хрупкая, что я боялся даже дышать.

— Забери меня отсюда...

— Друиды не отпустят.

— Забери, — повторила она, и в этом слове было всё: и боль, и отчаяние, и вера в то, что я смогу.

— Я не знаю как...

— Просто забери.

Я замолчал. Дожевал булку. Смотрел в огонь, но видел только её — ту, что прижималась ко мне, как к последней надежде.

«Если я откажусь, она умрёт. Не сразу, но умрёт. А если соглашусь... что тогда?»

Я не знал ответа. Но знал другое: я не могу оставить её здесь.

— Хорошо, — сказал я. Голос прозвучал твёрже, чем я ожидал. — Но как?

Она подняла голову. В темноте я всё ещё не видел её глаз, но чувствовал — она смотрит на меня.

— Уйдём. Вместе.

Я встал. Протянул ей руку. Она взяла её — и пальцы у неё были холодными, но такими живыми.

— Идём, — сказал я.

Мы пошли назад, к лестнице. Я не оборачивался. Боялся, что если увижу, как тает место, где мы сидели, — не смогу уйти.

Оно растворялось во тьме за спиной, будто его никогда и не было. Но тепло её руки оставалось.

Долго мы шли молча. Только шаги отдавались эхом в пустоте, да где-то далеко капала вода. Она не отпускала меня. И я её тоже.

— Элдан... — начал я, когда тишина стала слишком тяжёлой.

— Не называй меня так. — Голос её дрогнул. Я услышал в нём не боль — просьбу. — Придумай мне имя. Отныне я с тобой.

Я остановился. Повернулся к ней. В темноте всё ещё не видел её лица, но чувствовал — она смотрит на меня.

— Мария, — сказал я тихо.

Слово вырвалось само. Не знаю, почему именно оно. Может, потому, что так звали мою бабушку. Может, потому, что оно звучало как обещание.

— Хорошее имя, — ответила она. И в голосе её впервые за всё это время появилось что-то тёплое. Почти улыбка.

Мы пошли дальше. Теперь уже быстрее.

Наверху нас ждали. Друиды стояли полукругом, сжимая посохи. Старейшина — в центре, с лицом, не выражавшим ничего. Рядом с ним — та самая эльфийка, которую я спас. Она смотрела на меня с чем-то, похожим на благодарность,

но подойти не решалась.

Тишина давила. Даже ветер, казалось, затаил дыхание.

— Леонард из Лавра, — старейшина смотрел хмуро, исподлобья. — Она не может уйти.

Я крепче сжал руку Марии. Она не отстранилась.

— Может. — Мой голос звучал спокойно, но внутри всё кипело. — Это мой долг.

— Она принадлежит...

— Она моя.

Я сказал это тихо, но слово прозвучало как приговор. Друиды переглянулись. Кто-то сделал шаг вперёд, но старейшина поднял руку, останавливая его.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он.

— Понимаю, — ответил я. — Я ухожу. И она уходит со мной.

Я шагнул вперёд, уводя Марию за собой. У самых дверей остановился и обернулся.

— Старейшина.

Тот поднял глаза.

— Ты хотел знать, как я её исцелил. — Я выдержал паузу. — Мне помог Нейнарт. А она просила о помощи. Я обманул тебя. Прости.

Я взглянул на эльфийку. Она стояла, опустив голову, и не смотрела на меня. Я не знал, что будет с ней дальше. Но знал одно: она выживет. А это уже больше, чем было.

И я вышел, не оборачиваясь.

Старейшина долго смотрел мне вслед.

— Кто же ты такой, Леонард из Лавра?..

Леонард замолчал. У костра было тихо, слышно только, как потрескивают дрова и где-то в темноте перекликаются часовые.

— Это всё? — Брайн почесал затылок. — А где она сейчас, эта девушка?

— Мария? — Леонард усмехнулся. — Здесь. Всегда рядом.

— А та эльфийка, которую ты спас? — спросил Марий.
— Что с ней?

Леонард пожал плечами.

— Осталась в Нейнарте. Мы не говорили после того дня. Наверное, живёт там. Или ушла. Не знаю.

Берт присвистнул.

— Ничего себе история, Лео. Ну и ну. Мария... она что, всё время в виде меча?

— Не всегда, — Леонард покачал головой. — Сейчас это необходимо.

— Для чего?

— Чтобы я не упал.

— Куда? — не понял Марий.

Леонард посмотрел на него. Взгляд был холодным, как зимний ветер.

— Во тьму.

В тот же миг порыв ветра ударил по костру — искры взметнулись вверх и погасли. Стало темно и холодно. Кто-то выругался. Берт завозился, пытаясь нащупать меч.

— Лео, твою мать... — начал он, но не договорил.

Леонард щёлкнул пальцами — и огонь вспыхнул снова. Свет вернулся, и все увидели, что он сидит на том же месте, даже не шелохнувшись. Только глаза его... в них было что-то такое, от чего Берт закрыл рот и больше не задавал вопросов.

Леонард сел ближе к огню и уставился на пламя, не говоря ни слова.

Больше никто ничего не спросил. Мы сидели у костра, и каждый думал о своём. А я смотрел в пламя и чувствовал тепло Марии — в руке, в мече, в самой глубине, где пряталась тьма.

Глава 4. Река Ярге

Зима тянулась долго. Снег заметал дороги, мороз сковывал дыхание, и даже война, казалось, замерла. Лишь изредка доходили слухи о редких стычках где-то на западных и восточных направлениях. Но здесь, на севере в центре основных событий, было тихо, как в могиле.

Снег таял медленно, но неумолимо. Сначала появились проталины, потом побежали ручьи, а потом — в один не самый прекрасный день — север полыхнул огнём с новой силой.

Гирдийцы шли, оставляя за собой выжженную землю, груды тел и пепелища вместо деревень. Имперцы зверели от этого. Мирные гибли каждый день. Слишком много.

– Да пошёл ты, имперская шавка! – пленный рыцарь, сидя в грязи, плюнул в Леонарда.

Глаза его горели ненавистью. Руки были связаны, лицо в крови, но он не просил пощады. Он хотел только одного — умереть с достоинством.

Леонард отшагнул, вытирая плевков с плаща. Посмотрел на рыцаря. В глазах пленного не было страха. Была усталость.

– Жаль, – сказал Лео тихо. – Ты мог бы жить.

Он развернулся и с одного удара меча снёс ему голову. Тело рухнуло в грязь. Кровь смешалась с талой водой.

Берт, стоявший рядом, сплюнул.

– Жестоко, – сказал он без осуждения. Просто констатировал факт.

– Жестоко? – Лео повернулся к нему. Глаза его были пусты. – Жестоко убивать жителей. Насиловать женщин. Сдирать кожу с детей. Это жестоко. А это... – он кивнул на тело, – это просто война.

Берт сплюнул на труп.

– Это они тебе за Ройнинг мстят?

– Думаю, да. – Я вытер меч от крови. – Тогда я положил многих. Теперь из-за меня страдают другие.

– Вытри сопли, – жёстко оборвал его Ворон. – Они и до тебя так делали. И после будут. А ты делай своё дело.

Я кивнул. Подошёл к следующему пленному. Взмах — и ещё одна голова покатилась по земле.

– Ужас, – криво усмехнулся Берт. – Мы режем их детей, они — наших. Страшное дело, война, господа хорошие.

– Заткнись, Берт, – рявкнул Ворон. – Иди к Райнингу, готовьте снаряжение. Завтра выступаем к Ярге.

– Так точно, сэр! – Берт козырнул с дурашливой серьёзностью и побежал к другу.

В стане врага было беспокойно. Генерал Энхерт сидел в своём шатре, склонившись над картами. Война затягивалась, и он это чувствовал.

– Генерал Энхерт! – в шатёр влетел запыхавшийся солдат.

– Отдышись, – бросил Энхерт, не поднимая головы от бу-

маг. Он вёл учёт последних стычек, но главное сейчас было другое — предстоящие бои на реке Ярге.

Солдат перевёл дыхание, вытер пот со лба.

– Донесение, генерал.

– Давай сюда.

Энхерт отодвинул бумаги, взял свиток, развернул. Забил табак в трубку и подкурил его, медленно читая строку за строкой.

Солдат стоял у входа переминаясь с ноги на ногу, не решаясь сесть.

– Присядь, отдохни, – кивнул Энхерт. – Не в поле.

Солдат опустился на край лавки.

– Хо-хо! – усмехнулся Энхерт, откладывая свиток. – Отлично. Передай третьему дивизиону: пусть готовятся.

– Слушаюсь генерал. – Солдат выслушал короткий приказ встал с лавки, поклонился и вышел из шатра.

Энхерт откинулся на спинку, выпустил клуб дыма, прикрыл глаза. Но передышка вышла короткой — полог снова откинулся.

В шатёр шагнул высокий мужчина в чёрной тунике, края прошиты белыми нитями, лысоватый с черной густой бородой.

– Приветствую вас, генерал Энхерт вар Магир.

– Какая встреча! – Энхерт поднялся. – Неграрт, дружище! Рад видеть в добром здравии. Присаживайся. Пить будешь? Посол кашлянул:

– Служба, генерал.

– Я не про алкоголь! – рассмеялся Энхерт. – Воду, конечно.

– Конечно, почему бы и нет. – Неграрт подошёл к столу, сдвинул стопку бумаг, взял рядом стоявший стул, подвинул его и сел напротив.

Энхерт поднялся, взял кувшин с водой с комода, два стакана, разлил. Поставил один перед послом, сел на место, отпил.

– Ну, рассказывай, дружище. Как там? Священный Ковенант? Остальные?

– Ковенант молчит. – Неграрт промокнул лоб платком вытирая пот, отпил воды из стакана. – Воевать с Лавром не хотят. Да и не до того им, какие-то свои дразги в стране.

– Это было очевидно, первосвященник ещё не наигрался в господа бога. – Энхерт кивнул. – Что там с гномами?

– Гномы... – Неграрт усмехнулся. – Ответили, что горы да и камни им важнее. В чужие разборки лезть не станут.

– Глупо было и рассчитывать на них, – Энхерт махнул рукой. – Гномы всегда так. Ладно, что с эльфами?

– Договорились, хоть и переговоры прошли тяжело, но с условием: если Оргон пойдёт на них, помогут. Провиант, бойцы... но только тогда, удивлён что они вообще пошли на это учитывая как они закрыты перед миром.

– Пф – фыркнул Энхерт. – Это удивительно что они вообще впустил вас, но боязнь эльфов перед орками смешна!

– Думают, вождь Оргона объединит разрозненные племена? Глупость, да и только.

– У них там своих проблем хватает, – Неграрт пожал плечами. – Власть меняется как перчатки. Им не до нас.

– Это понятно, остроухие что с них взять. А юг?

– Там наш посол, Генра. Но, боюсь, без толку. Южанам эта война не нужна.

Энхерт грохнул кулаком по столу, бумага разлетелась, стаканы завибрировали.

– Вот же! Когда помощь нужна нам — они в кустах! А как самим что надо — так сразу бегут!

– Истинно так, – вздохнул Неграрт. – Ладно, это всё что сейчас есть из новостей. Рассказывай, как у вас? Я смотрю, солдаты в карты режут да спят. И пойлом от них несёт.

– Какой ужас! – Энхерт криво усмехнулся и рявкнул: – Валл, сука, иди сюда!

Полог шатра колыхнулся. Внутри шагнул высокий рыцарь в сверкающих серебристых доспехах. Шлем — в виде львиной головы.

– Пойди, дай пинка командирам! – приказал Энхерт. – Распустили солдат! Мы не на курорте! И передай всем: вечером ко мне. Все.

– Так точно, генерал. – Рыцарь исчез.

– А у тебя самого что? – спросил Неграрт.

– Есть новости, – Энхерт откинулся на спинку. – Хорошие и плохие. Правый берег Ярги наш. Три тысячи пехоты, пять-

сот всадников. Левый... тоже наш, но сил там — кот наплакал. Пять сотен, не больше.

— Имперцы ударят по слабому месту?

— Именно. — Энхерт помрачнел. — И там, говорят, чертовски сильный чародей.

— Тот самый, что Ройнинг держал?

— Тот самый. — Энхерт выругался сквозь зубы. — Собачий хвост... Столько ребят из-за него полегло.

— Значит, плохие новости закончились? — спросил Неграрт.

— Да. — Энхерт довольно улыбнулся. — Теперь хорошие. К нам подходят вторая и третья армии. Пятнадцать тысяч голов.

— Контрудар по всему берегу?

— Не совсем. Я со своей первой армией держу Яргу. Вторая, под командованием «Разорителя», держит Карн. Третья — мой братец Кайл — на Дол-Вар.

— Значит, удар почти по всему северу?

— Именно. И это не всё. — Энхерт понизил голос. — Ко мне подойдёт подкрепление: четыре тысячи пехоты и тысяча чёрных всадников. Укрепим берег, отобьёмся, а потом пойдём в атаку.

— Рискованно, друг мой.

— Приказ свыше, — развёл руками Энхерт.

— Говорят, имперцев намного больше.

— Слышал я эти сказки. — Энхерт махнул рукой. — Десять

тысяч пехоты, две тысячи всадников... Не верю. Река длинная, да, но мелкая. От гор до самого моря. А ближе к гномам никого нет. Те уж точно ни нам, ни им не помогут.

Они помолчали. Потом разговор свернул на другое — старых знакомых, былые времена. Энхерт рассмеялся:

– А помнишь того самоучку? Со стороны дурак дураком, а как до дела дошёл — все рты пооткрывали!

– Ещё бы! – Неграрт допил воду.

– Генерал! – донеслось из-за полога. – Колдун из третьей дивизии прибыл.

– Пусть войдёт.

В шатёр шагнул высокий мужчина в чёрном. Длинные чёрные волосы, лицо наполовину в шрамах. Он молча поклонился, скользнул взглядом по присутствующим и встал у входа.

– Твоя задача, – Энхерт говорил без предисловий, – сдерживать их мага. Одежда чёрная, нашивка на плече, меч на поясе. Узнаешь по мечу, если обнажит. Или по магии — от него несёт силой.

Колдун кивнул, развернулся и вышел так же молча, как вошёл.

– Это он? – спросил Неграрт.

– Вальгельм. Лучший колдун Гирдии, – Энхерт проводил взглядом полог. – Наёмник. Из Священного Ковенанта, беженец. Семью там потеряли, когда церковь власть брала. Говорят, брат младший где-то есть, но он молчит. Да нам и

неважно. Главное — работу делает.

– Тяжелая у него судьба, – задумчиво произнёс Неграрт.
– Впрочем, не моё это дело.

– Ладно, друг, – Энхерт хлопнул его по плечу. – Иди отдыхай. Завтра тебе в дорогу.

– Да я бы посидел ещё, – Неграрт махнул рукой, – но поспать и правда не помешает.

– Отдыхай.

Неграрт вышел. Энхерт остался один.

Он подошёл к карте, развёрнутой на столе. Река Ярге тянулась через весь лист — длинная, извилистая, как чёрт. С одной стороны — гирдийцы, с другой — имперцы. Вопрос: где ударит их маг?

Правый берег укреплён, войск там много. Левый — слабее. Логично бить по левому. Но если имперцы пойдут туда, обороняться будет тяжело. Если только подкрепление не подойдёт раньше...

Энхерт закурил, вглядываясь в линии.

«Чертов колдун, – думал он. – Все планы ломает. Но ничего. Главное — продержаться, дать время второй и третьей армиям. "Разоритель" удержит Карн, но их «Крушитель» на подходе к городу. Брат... Кайл выйдет к Дол-Вару не раньше, чем через три.

Но что-то здесь не так. Разведка врёт? Двенадцать тысяч на линии — это слишком. Либо шпионы, либо дезинформация.

Надо бы Шварцу проверить своих. Не хватало ещё после обороны в контратаку соваться с неверными данными».

Он долго стоял над картой, перебирая варианты. Но всё уже было решено без него.

Высший совет приказал: первой армии держать Яргу, второй — удержать Карн, третьей идти — на Дол-Вар. Энхерт предлагал глухую оборону, но его не послушали. Даже король, с которым он говорил лично, склонился к мнению Высшего совета, да и королю по видимости вообще не было до этого дела.

«Эх, Кайл, — подумал Энхерт о брате. — Для тебя это первая война. Ты ещё не знаешь, как глупы бывают приказы сверху. И как дорого за них платят».

Он ещё долго стоял над картой, докуривая трубку за трубкой. За окном шатра давно стемнело, но Энхерт не уходил. Только под утро, когда свеча догорела, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Дни тянулись медленно. Гирдийцы укрепляли берега, ждали подкрепления, готовились к неизбежному. А потом пришёл приказ: Империя атакует, удерживать реку.

— Генерал Энхерт, — в шатёр вошёл Дран один из его военачальников, командир обороны.

— Слушаю, Дран.

— Укрепления на левом берегу готовы, генерал.

— Хорошо. Ждём атаки имперцев.

— Какие будут указания?

– Действуйте по плану.

Атака началась на рассвете. Требушеты имперцев обрушились на берег град камней. Свист стрел, ругань, крики — всё смешалось в один сплошной гул.

– Парни, не лезьте! – крикнул Ворон, пригибаясь за баррикадой.

– Ворон, – Я положил руку ему на плечо, – я пойду. Пробью брешь в их обороне.

– Ты с ума сошёл?! Там стрелы градом! Снаряды рвут! Это самоубийство Лео!

– У меня есть защита от этого. – Я уже поднимался по баррикаде. – План сработает.

Я вышел из-за укрытия и направился к воде. Стрелы свистели мимо, те, что попадали в меня, рассыпались в пыль.

Я остановился у кромки берега. Сложил руки в знак, коснулся земли.

Земля дрогнула, воздух стал плотнее. На глазах у сотен людей из неё начал расти земляной мост, протягиваясь к противоположному берегу.

– Стреляйте по колдуну! – заорал вражеский командир. – Стреляйте, псы! Не дайте ему закончить!

Стрелы градом обрушились на меня. Они ударили в магический щит и рассыпались в пыль, но каждый удар отдавался в груди тупой болью. Щит держал, но я чувствовал, как магия уходит — слишком быстро.

Мост рос. Я шёл по нему, не ускоряя шага. Нельзя было

спешить — иначе щит рухнет.

«Ещё немного. Ещё чуть-чуть».

Я почти добрался. Мост готов.

Я обнажил меч. Клинок вспыхнул алым пламенем, руны засияли холодным синим светом. Мария отозвалась сразу — тепло разлилось по руке, давая силы.

— Готовсь... Огонь!

Новый залп. Я отбивал стрелы мечом, некоторые рассыпались сами, не долетая. Кровь стучала в висках. Я подошёл вплотную к баррикаде, коснулся её рукой.

Взрыв.

Дерево и камни разлетелись в стороны. Кто-то закричал. Кто-то упал.

— Мечи! — прокричал командир гирдийцев, обнажая меч и направляя его вверх. — В атаку!

Я шагнул в пролом, но тут же замер. Слева, с невероятной скоростью, приближалась угроза — я почувствовал невероятный поток маны, такой плотный, что воздух вокруг сгустился.

Я развернулся, встал в стойку — и принял удар на меч. Звон стали разнёсся над берегом, искры брызнули в стороны.

Передо мной стоял высокий мужчина. Лицо в шрамах, длинные чёрные волосы, в руках — меч, источающий тьму. От него веяло холодом и смертью.

Вальгельм.

Мы скрестили клинки. Его первый удар пришёлся сверху

— я едва успел подставить меч. Второй — сбоку, я ушёл в сторону, но лезвие полоснуло по плечу. Третий — снизу, я отбил, но отшатнулся назад.

— Быстрый, — прохрипел Вальгельм.

— А ты медленный, — ответил я, переходя в атаку.

Удары сыпались с такой скоростью, что никто не мог уследить. Только треск стали, вспышки магии и искры, летящие во все стороны. Я рубанул справа — он блокировал. Я рубанул слева — он ушёл. Я ударил снизу — он отпрыгнул.

— Огонь! — крикнул я, и сгусток пламени вырвался из свободной руки.

Вальгельм выставил щит — пламя разбилось о него, не причинив вреда.

— Слабо, — усмехнулся он.

Я не ответил. Вместо этого я соединил две стихии — огонь и молнию. Шар засиял белым светом.

— А это?

Вальгельм побледнел. Он попытался уйти в сторону, но я уже выпустил заклинание. Оно ударило его в плечо, разорвало плащ, обожгло кожу. Он закричал и отлетел к баррикаде.

Но и я не удержался. Магия откатилась назад, ударив по мне с той же силой. Меня отбросило на мост. Спина ударилась о камни, в глазах потемнело.

Оба лежали неподвижно на земле.

— Живее! Оттащите Вальгельма! — крикнул кто-то.

Двое солдат выскочили из-за баррикад, схватили колдуна

и исчезли в дыму.

Я пошевелился. В ушах звенело. С трудом, опираясь на меч, поднялся на ноги. По спине текла кровь — горячая, липкая.

— Ну, держитесь, — прохрипел я.

Я спрыгнул с моста в воду. И не провалился. Стоял на поверхности, как на твёрдой земле.

Вода вокруг замерла. Я присел, коснулся её руками, сложил пальцы в знак.

Сначала ничего не происходило. Потом вода дрогнула. Рябь пошла во все стороны, а потом — тишина. Такая, что стало слышно, как бьётся моё сердце.

А потом вода начала уходить. Не отступать — исчезать. Река уходила из берегов, но не разливалась — собиралась в одной точке. Передо мной.

— Бегите! — закричал кто-то на том берегу. — БЕГИТЕ!

Вода взметнулась стеной. Выше человеческого роста. Выше деревьев. Выше баррикад. Она нависла над берегом, чёрная, тяжёлая, готовая рухнуть.

Я взмахнул руками.

Волна обрушилась.

Грохот стоял такой, что заложило уши. Вода крушила баррикады, вырывала деревья с корнями, сметала людей, как щепки. Крики тонули в рёве. Я видел, как солдат отбросило на скалы, как ломались телеги, как тонули лошади.

А потом — тишина.

Вода схлынула так же быстро, как и пришла. На берегу не осталось ничего: ни баррикад, ни защитников. Только грязь, обломки и тишина.

Река Ярге обмелела. Из полноводной превратилась в ручей.

Имперцы не стали ждать. С криками они бросились на другой берег, добывая выживших. Тех было мало.

Я стоял и смотрел, как мимо бегут солдаты. Не слышал их — в ушах звенело. Вода стекала с плаща, смешиваясь с кровью.

Сделал шаг. Второй. Третий.

И рухнул лицом в грязь.

– Тащите его!

Меня подняли, понесли. Я видел только размытые силуэты, слышал обрывки фраз.

– Держись, Лео! Не закрывай глаза!

Я закрыл.

Темнота была плотной, тёплой. Я плыл в ней, не чувствуя тела. Где-то далеко слышались голоса, но я не мог разобрать слов.

А потом появилась боль. Сначала тупая, далёкая. Потом острая, режущая — в спине, в плече, в каждой сломанной кости.

Я попытался открыть глаза — и не смог. Веки были тяжёлыми, как камень.

– Он ещё не очнулся? – Голос Ворона звучал глухо, будто

из-за стены.

– Нет, – ответил Берт. – Вот, меч его. Возле него подобрал. Я слышал их, но не мог пошевелиться. Только лежал и слушал, как где-то рядом капает вода.

А потом — вспышка.

Даже сквозь закрытые веки я увидел свет. Яркий, белый, он разлился по палатке, и на мгновение стало тихо.

– Это невероятно, шар света, движется сам! – выдохнул Берт.

– Где он? – спросил голос. Женский. Знакомый.

– В палатке, – ответил Ворон.

Шаги приблизились. Кто-то отодвинул врача:

– Туда нельзя! – Мне можно.

Она села рядом. Я почувствовал её тепло. Она взяла мою руку в свои ладони.

– Держись, – прошептала она. – Пламя в тебе ещё не угасло.

Я очнулся через несколько дней. Точнее, не очнулся — пришёл в себя настолько, чтобы понимать, где нахожусь. Пахло кровью, травами и потом. Рядом кто-то стонал. Лазарет.

– Значит, стоим мы на берегу, – рассказывал солдат, примопившийся у входа в палатку. – Стрелы свистят, катапульти молотят... И тут – бах! Из воды стена поднялась! Высокой, как стены Дол-Вар! И одним махом – весь вражеский берег смыло!

– Що? – Второй солдат, только прибывший в лагерь, уставился на него. – Байки рассказываешь!

– Тихо! – рывкнул подошедший командир. Оба вытянулись. – Через два часа отправка на Дол-Вар. Готовьтесь.

– Есть!

Когда командир ушёл, рассказчик вытер пот со лба:

– Я уж думал, энто нам всем крышка...

– Дык повезло, значит. – Второй хлопнул его по плечу. – Ладно, давай к складу, телеги снаряжением грузить. Путь далёкий.

Армия Империи разделилась. Первая часть ушла к Карну, вторая осталась на Ярге, третья двинулась к Дол-Вару. Шеститысячный гарнизон охранял берег, пять тысяч спешили на выручку Карну, семь тысяч — к Дол-Вару.

«Что же развернётся на севере этой весной?» – думал я, вторую неделю лёжа в лазарете.

Врач только качал головой: магическое восстановление шло быстрее, чем у обычных людей. Да и просто регенерация... Он не мог объяснить, но я знал причину.

– Говорят, на Лео раны заживают как на собаке, – засмеялся Берт.

– Берт, не выражайся, – буркнул Брайн.

– Хо-хо! "Не выражайся"! – передразнил Берт. – У меня вот идея, парни.

– Ну и что ты надумал? – Райнинг покосился на Марию.

– Надо бы нам... – Берт понизил голос, – ...тихо, чтобы

никто не слышал... выпить.

Все замолчали.

Из палатки лазарета вышел Лео. Он был бледен, под глазами залегли тени, но он шёл сам, не опираясь на посох и не хромая. Мария шла следом, готовая подхватить, если он упадёт.

– Давай, Берт, – сказал я, подходя к костру. – Хорошая идея. У меня уже глотка пересохла. Надо бы чего-то такого... за душу берущего.

Все удивлённо уставились на меня. Кроме Марии.

– Вот! – Берт аж подпрыгнул. – Даже Лео одобрил! А вы? Эх... Ну ничего. Ждите, у меня есть пара душераздирающих напитков.

Вечер выдался прохладным. Ветерок лениво трепал пламя костра, над которым висел котелок с ухой. Аромат разносился по всему лагерю.

– Если есть уха, то мясо нам нахрена? – мелодично пропел Берт, помешивая варево.

– Рыба тоже мясо, – авторитетно заявил Брайн. – Но это неважно. Я сто лет уху не ел!

– Прямо сто? – съехидничал Райнинг.

– Да не в прямом смысле! – Брайн всплеснул руками. – Райнинг, чего ты докопался?

– Да ничего я не сделал, – Райнинг замахал руками и вдруг вскочил: – Лео! Мы здесь! И даму приглашаем!

Я и Мария подошли к костру, сели рядом на бревно.

– Ну, Берт, – Лео сразу перешёл к делу, – показывай свой душераздирающий напиток.

Берт торжественно извлёк из рюкзака две здоровенные бутылки.

– Водка. Она и в Ангере водка. – Он откупорил одну и разлил по стаканчикам. – Ну что, братцы... и дама... по первой?

Все устроились у огня.

– Братцы! – Берт поднял стакан. – Первый тост – за нашего героя! Выпьем до дна!

Выпили.

– Ух... – я зажмурился, чуть дернувшись. – Хороша! Берт, где ты такую радость откопал?

– Да случай вышел, – уклончиво ответил Берт.

– А вот мне важно! – Брайн нахмурился. – Водка чертовски хороша. Не ломись, говори!

– Ладно, уговорили! – Берт сдался. – Генерал отдал. Сказал: "Выпейте, brave воины, да по рюмахе за Леонарда опрокиньте".

– Ха-ха! – засмеялся Брайн. – Генерал отдал! Сказочник ты, Берт. Но за Лео – давай! Герой Ройнинга, герой Ярги... За тебя!

Он опрокинул стакан.

– Ну, раз уж я сегодня такой болтливый, – Берт хитро прищурился, – скажи-ка, Лео, что за девица с тобой? Откуда такая милашка?

Лео отпил водки.

– Рассказывал же. Нейнарт, друиды... Думал, я сочинил?
Все замолчали. Берт открыл рот, но закрыл, сделав глоток.

– Мария, – Я обнял её за талию, – ну не молчи.

– Это правда. – Мария говорила спокойно, глядя прямо в глаза. – Я тот самый живой меч. Раньше меня звали Элдан. Теперь я Мария.

Она не отстранилась, наоборот — прижалась к Лео ещё крепче.

– Ну, Лео, везунчик! – выдохнул Брайн. – Красавица какая! Мария, добро пожаловать в команду! Давай представлю всех: рядом с тобой — Леонард Форд, он же Лео. Справа от него – я, Брайн. Левее – Марий, трубадур. Слева от него – Берт, глупая голова. А напротив – Райнинг из Ройнинга.

Мария встала и поклонилась. Остальные кивнули.

– Брайн! – возмутился Берт. – Мешок картошки у лукошки! С каких пор я глупая голова?

– Да любя я, любя!

– Ах ты старый черт... – Берт погрозил кулаком, но улыбался. – Ладно, прощаю. Водка сегодня добрая, не до ссор.

– Тост! – Лео поднялся. – Спасибо вам, парни, что были рядом. Жаль, не все здесь, но... здоровья нам всем. А гирдийцы... – он махнул рукой, – неважно. Выпьем за нас!

– Да!

Стаканы звякнули.

Беседа потекла легко, неторопливо. Брайн подкалывал

Берта, тот огрызался беззлобно. Райнинг засыпал Марию вопросами, и она, к его удивлению, отвечала охотно, даже смеялась. Я увлёкся разговором с Марием о поэзии, о культурах дальних стран.

Берт, разомлевший от водки и ухи, откинулся на бревно и мечтал вслух:

– Вот кончится война... пойду в повара. Открою свою забегаловку. Уху буду варить... такую, что пальчики оближешь. От клиентов отбоя не будет!

– Ага, – кивнул Брайн, – а мы к тебе в гости ходить будем. Мария переглянулась со мной. В её глазах плясали отблески костра.

Здесь и сейчас войны не было. Только костёр, друзья и тишина.

Марий достал из-за спины лютню, провёл пальцами по струнам, пробуя звук. Потом, закрыв глаза, начал играть. Мелодия была тихой, тягучей, как закат над полем.

И запел:

«У опушке у лесной.

Стоял дом вот такооой.

Высотой как клен.

А с него не кто другой.

Нежно звал меня с собой.

И красавица девица.

Встретила меня.

Вся такая прям светится.

Как ночная звезда.

Я вступил в её объятия.

Голову я потерял.

От её запаха.

Она меня звала.

Зазывала как сирена.

Столь же прекрасна и опасна как она.

*И сказала нежно мне на ухо: Люби меня и не отпускай
некогда.*

Но звезда одна на небо так и осталась там.

А я ночами не спал.

Все вспоминал о ней.»

Голос его был негромким, но чистым. Мы слушали, не перебивая. Даже Берт перестал ёрзать.

– Красиво... – тихо сказал я когда он закончил.

Мария, сидевшая рядом, чуть сжала мою руку.

– А ком она? – спросил Брайн.

– Баллада об Аруэли и Торне, – гордо ответил Марий. –
Любовь эльфийки к человеку.

– Эх, – вздохнул Берт, – я б эльфийку... ну, в общем...

– Берт, – осадил его Ворон. – При даме.

– Да я ничего... – замялся Берт. – Красиво, говорю. Очень.

– Берт, все мы знаем, что эльфы красивые сами по себе.

Я бы тоже не отказался бы сказочной ночи с эльфийкой. А ты бард? – Поинтересовался Брайн. – Есть у меня, что сердцу мне мила, но далеко она от меня. – певучно ответил бард.

Бедняжка твоя, ждёт тебя наверняка. Но знай же ты война не закончится некогда. - Также мелодично подражая барду, пропел Берт.- Как она выглядит? Необычайно красивая да, ножки наверняка стройные, длинные, а бюст такой что... что небось перехватывает дыхание? - С небольшой ухмылкой сказал Брайн.- Она герцогиня южных имперских земель, - сказал Марий, расплывшись в улыбке влюблённого юнца.

- Действительно? - холодно спросил я. - Я вот знал одну такую госпожу.

Все посмотрели на меня, переглянулись, подмигнули, мол, давай, продолжай.

Я отпил водки. Поставил стакан. Посмотрел на огонь.

- Это было на последнем курсе, - начал я. - Пригласили меня на юг, в провинцию Фан. Сказали, из-за винодельни. Мол, сотрудничество обсудить. А я им: "Винодельней сестра занимается, Анна Форд. Я только за поместьем смотрю".

- И что? - подал голос Марий.

- А ничего. - Я усмехнулся. - Приходит ко мне сама герцогиня Маргарита ле Круа. Красивая женщина, скажу я вам.

- Так ты её видел? - тихо спросил бард, сглотнув.

- Конечно. - Я посмотрел на него с лёгкой улыбкой. - А ты, выходит, нет? Ну, тогда понятно...

Берт зевнул, но продолжал слушать.

- Поговорили мы с герцогиней. И тут я понял, зачем меня на самом деле позвали.

- Зачем? - спросил Брайн.

– У неё две дочери. Одной четырнадцать, другой семнадцать. И сын, мелкий совсем, лет шести. И меня... – я сделал паузу, – хотели женить на старшей.

– Епт! – Брайн чуть не слетел с бревна. – И ты отказал? Герцогине?!

– Да, Брайн. – Я посмотрел ему прямо в глаза. – Я знаю, кто я такой. И не хочу обречать людей из-за себя.

– О чём ты? – Райнинг оторвался от снаряжения.

Я замолчал. Взял стакан, посмотрел на свет костра. Водка казалась кровью.

«Скажешь — и всё изменится. Не скажешь — так и будешь нести это один».

Я поставил стакан. Посмотрел на них. На Берта, Брайна, Райнинга, Мария. На Ворона, который молча сидел в тени. На Марию, которая ждала.

– Только не смейтесь, – сказал я тихо. – Я бессмертный. Тишина. Даже костёр, казалось, замер.

– Ну... – Берт кашлянул. – Ты, друг, перепил. Мария, скажи ему.

– Это правда, Берт, – спокойно ответила Мария.

Марий открыл рот и закрыл.

– Это... это не шутка? – выдавил он.

– Нет, Марий. – Я не улыбался.

– И сколько раз ты... умирал? – спросил Берт.

– Один. И хватило.

– А что терял?

– Руку. – Я усмехнулся. – А душу... душу я теряю здесь, на войне.

Никто не сказал больше ни слова. Один за другим они поднимались и уходили в палатки. Даже Берт, который вечно ёрзал, ушёл молча.

Я остался у костра. Мария сидела рядом, положив голову мне на плечо.

– Ты сделал правильно, – тихо сказала она.

– Знаю, – ответил я. – Но легче не стало.

Война не ждёт. Но сегодня она могла подождать.

Глава 5. Дол-вар

Дол-Вар — одна из старейших крепостей Империи Лавр. Её стены, сложенные из тёмного камня, возвышались над водной гладью реки Ярге. Они хранили путь к северной границе Империи — и открывали дорогу прямо к столице Гирдии.

Говорили, что эту крепость строили ещё при первом императоре. Камни помнили то, что люди давно забыли.

В этот день Дол-Вар утонул в тумане. Издалека, если вообще можно было что-то разглядеть, на стенах мерцали лишь огни факелов. Ветер доносил запах сырости и дыма — и ещё чего-то тревожного, что заставляло старых солдат хмуриться.

Имперские войска знали: осада начнётся со дня на день.

Командир крепости, Марк Ротвер, был ветераном. Он участвовал в трёх войнах, потерял двух сыновей, но продолжал служить. Говорили, что после похорон младшего он не плакал — просто закурил и пошёл проверять караулы.

Он знал: Кайл вар Магир, брат генерала Энхерта, уже ведёт армию к Дол-Вару.

Марк был готов. Готов держаться столько, сколько потребуется. Даже если помощь не придёт — он умрёт здесь. Во имя Империи.

Комната командира

Кабинет Марка больше походил на штаб-квартиру, чем на жилое помещение. На стенах висели карты крепости и окрестностей, на некоторых были отмечены возможные направления ударов противника — красными чернилами, по старой привычке. Стол утопал в бумагах, пепельница была забита бычками. Стены давно требовали побелки.

Марк сидел за столом, курил и слушал доклад. Дым тянулся к потолку, смешиваясь с запахом старого дерева и пороха.

— Командир, разведка подтвердила: войска Гирдии под командованием Кайла вар Магира уже в пути. — Молодой солдат стоял по стойке «смирно». Его руки были в шрамах — видимо, успел повоевать.

Марк выпустил дым, посмотрел на солдата. В глазах его не было страха. Была усталость.

— Хорошо. Спасибо. Позови Норта.

Солдат склонил голову и вышел.

В комнату шагнул низкий мужчина с рыжей бородой, когда-то подпаленной огнём. Снаряжение на нём было проще, чем у остальных, потрёпанное — но каждая деталь говорила об опыте, отточенном годами войны.

— Командор. — Он склонил голову.

— Норт, присаживайся. — Марк указал на стул. — Как обстановка? Дух солдат?

Норт сел, положил руки на стол.

— Всё тихо. Войска Гирдии в трёх днях от крепости. Провизии и снаряжения скудно, но даже под сильным натиском

продержимся больше двух недель. Дух солдат высок, командор. Как никогда.

Марк затушил сигарету и тут же закурил новую.

— Понял. Пока есть время, пусть отдыхают. Наблюдение оставить как есть. — Марк встал, подошёл к комоду, достал бутылку водки и поставил на стол.

— Пить на службе? — Норт приподнял бровь.

— Пить в последний раз с братом. — Марк откупорил бутылку водки, разлив по рюмкам, потянул к брату и взял в руки рюмку.

— Тогда за тех, кто дружит. За тех, кто с нами. И за тех, кто будет после нас.

Норт взял рюмку и отпил вместе с Марком.

— Считаешь, мы погибнем? — спросил Норт, ставя рюмку.

— Мы как в братской могиле, брат. — Марк закурил, выдохнул дым. — Ни одного письма о подкреплении. Ни о припасах.

— Враг блокирует доставку, чтобы мы упали духом. Думают, нам конец.

— Старые методы. — Марк усмехнулся. — Блокада путей снабжения. Только они не знают, что в этой крепости сидят два брата.

Он откинулся на стуле, улыбнулся:

— Стальной Молот и Огненная Борода.

Норт тоже улыбнулся:

— Их командир молодой. Зелёный.

— Посмотрим, — Марк стряхнул пепел, — что он запоёт, когда поймёт, что сломать нас нельзя.

Лагерь Гирдии вблизи крепости

Вечер опустился на лагерь третьей армии Гирдии. Костры горели ярко — дров не жалели. Вокруг одного из них, самого большого, собралась компания молодых офицеров. Вино лилось рекой, тосты звучали один громче другого.

В центре, на походном стуле, обитом бархатом, развалился Кайл вар Магир. Двадцать три года, младший брат прославленного генерала Энхерта, любимец двора и, как он сам считал, восходящая звезда королевства.

Он пил не спеша, но с такой лёгкостью, будто вино было водой. Каждый глоток сопровождался новым тостом. Каждый тост — новым взрывом смеха.

Форма на нём сидела безупречно — тёмно-синий мундир с золотым шитьём, сверкающие сапоги, ни одного пятнышка. На поясе — меч с драгоценными камнями на рукояти. Меч, который ни разу не бывал в настоящем бою.

Кайл говорил громко, размахивая кубком, и каждое его слово звучало как команда, хотя никто не просил его командовать.

— ...а мой брат, генерал Энхерт, говорил мне: «Кайл, не лезь на рожон, учись у стариков». А я ему: «Брат, я уже всему научился. Ещё когда в академии был». — Кайл рассмеялся, поднимая кубок. — И вот я здесь, командую армией,

а он там, на Ярге, с мужиками в болоте сидит. Ждёт, пока подойдут эти... как их... имперцы.

— Говорят, — осторожно начал один, совсем юный, с едва пробивающимися усами, — в Дол-Варе сидят два брата. «Стальной Молот» и «Огненная Борода». Ветераны. Ещё с прошлой войны.

Кайл отмахнулся так, будто отгонял муху.

— Ветераны? Это те, кто уже одной ногой в могиле? Мы им поможем туда шагнуть побыстрее.

Он встал, поправил мундир, обвёл взглядом слушателей. В свете костра его лицо казалось почти красивым — правильные черты, гордый взгляд, лёгкая улыбка.

— Завтра мы выступаем. А послезавтра я буду пить вино в кабинете этого... как его... Марка Ротвера. И его бородатого братца. — Он сделал паузу для смеха. Смех раздался, но не такой дружный, как раньше.

— За Кайла вар Магира! — выкрикнул кто-то из свиты.

— За будущего героя Гирдии! — подхватил другой.

Кайл улыбнулся шире, принимая почести, как должное.

Он не видел, как в стороне, у крайнего костра, сидел старый солдат. Лет пятидесяти, с глубокими морщинами на лице и шрамом через всю щёку. Он молча чистил меч, глядя на огонь. Меч был простой, без украшений, но лезвие сверкало в свете пламени.

Рядом с ним примостился молодой парень, новобранец.

— Дядя Горт, а чего вы не с генералом? — спросил он

шёпотом.

Старик хмыкнул, не поднимая глаз.

— Потому что я, малец, уже был в трёх кампаниях. И знаю: стены Дол-Вара просто так не падают. А те, кто их защищают... — Он поднял меч, посмотрел на лезвие. — Их не берут ни молодостью, ни вином, ни громкими тостами.

Новобранец испуганно оглянулся на шумный костёр.

— А генерал... он знает?

Горт усмехнулся, убрал меч в ножны.

— Генерал знает всё. Ему так кажется.

Ночь прошла. К утру лагерь Гирдии затих. Догорели костры, офицеры разошлись по палаткам, и только дозорные ходили вдоль укреплений, вслушиваясь в темноту.

А на рассвете в шатре Кайла раздался крик.

Утро для Кайла нельзя было назвать хорошим.

— ДА КАК ОНИ ПОСМЕЛИ?! ЭТИ СТАРЫЕ МАРАЗМАТИКИ!

Он рвал на куски пергамент, который час назад принёс переговоры. Лицо его побагровело, зубы скрипели так, что, казалось, вот-вот раскрошатся.

— АТАКОВАТЬ КРЕПОСТЬ НЕМЕДЛЕННО! СОТРИТЕ В ПОРОШОК ЭТУ РАЗВАЛИНУ!

Его вопли разносились по лагерю, долетали до стен и даже, кажется, до самых туч.

А на стенах крепости Марк Ротвер смотрел на вражеский лагерь и усмехался.

— Этого юнца даже отсюда слышно, — сказал он, глядя в сторону гирдийцев.

Рядом стоял молодой солдат, недавно прибывший в крепость. Лицо его было бледным, руки дрожали, но он старался держаться прямо.

— А что вы ему написали, командир?

Марк широко улыбнулся, сверкнув зубами.

— Пару ласковых. Что мать его будет скакать по всем солдатам нашей крепости, когда мы раскроем ему череп.

Он громко рассмеялся, хлопнул солдата по плечу. Тот вздрогнул, но улыбнулся — робко, неуверенно.

Отсмеявшись, Марк повернулся к гарнизону. Солдаты стояли вдоль стен — уставшие, грязные, но с оружием в руках. Кто-то сжимал древко копья так, что костяшки белели. Кто-то шептал молитву. Кто-то просто смотрел вперёд пустыми глазами.

— Солдаты! — голос Марка прокатился над стеной, твёрдый, как камень. — Отцы, сыны и дети Империи!

Он замолчал на секунду, обводя их взглядом.

— Покажем этим свиньям, что даже отбросы нужно заслужить, а не брать! Усилить барьер! Приготовить орудия! Да хранит нас Император!

Он ударил кулаком в грудь, прямо по доспехам.

— ЗА ИМПЕРИЮ!

Тишина длилась мгновение. А потом десятки глоток взорвались:

— ЗА ИМПЕРИЮ!

Солдаты разбежались по позициям. Кто-то бежал, кто-то шёл, но никто не остался на месте. Даже тот молодой солдат, который только что дрожал, теперь сжимал меч и смотрел на врага.

Перед штурмом.

Солнце только поднялось над горизонтом, когда армия Кайла пришла в движение. Тысячи солдат выстраивались в боевые порядки: тяжёлая пехота в центре, лучники на флангах, осадные лестницы и тараны — всё, как учили в академии.

Кайл стоял на небольшом холме в окружении свиты. Лицо его ещё хранило следы утренней ярости, но сейчас он старался выглядеть спокойным и величественным.

— Начинайте, — бросил он, даже не взглянув на командиров.

Загудели рога. Армия двинулась вперёд.

На стенах.

Марк смотрел на приближающиеся ряды врага с холодным спокойствием.

— Идут красиво, — заметил Норт, стоявший рядом. — Прямо как на параде.

— На параде и умрут, — усмехнулся Марк. Он повысил голос, обращаясь к защитникам: — Ребята, не спешите! Пусть подойдут поближе. Лучники — ждать сигнала!

Солдаты замерли у бойниц. Тишина давила на уши.

Штурм крепости.

Первые ряды гирдийцев достигли зоны поражения. Марк махнул рукой.

— Огонь!

Тысячи стрел сорвались со стен, обрушиваясь на наступающих. Десятки солдат упали, но строй не дрогнул. Гирдийцы бежали вперёд, неся лестницы и тараны.

— Лестницы! — заорал кто-то из защитников.

Началось. Солдаты сбрасывали лестницы, лили смолу, стреляли почти в упор. Крики, лязг металла, запах крови — всё смешалось в один сплошной гул.

Норт работал как машина. Мелькал меч, падали тела, но гирдийцы лезли снова и снова.

— Держать строй! — ревел он, перекрывая шум.

Кайл внизу

Кайл смотрел на штурм с холма. Он ждал, что ворота вот-вот рухнут, что стены падут — но ничего не происходило. Гирдийцы гибли десятками, а крепость стояла.

— Почему они не продвигаются?! — выкрикнул он. — Бросьте резервы!

— Господин генерал, — осторожно заметил седой офицер, — может, стоит перегруппироваться? Потери слишком велики...

— МОЛЧАТЬ! — Кайл ткнул в него пальцем, на его лбу вздулась вена, от перенапряжения, — Я сказал — бросить резервы! ЖИВО!

Кульминация штурма

На стенах стало жарче. Гирдийцы всё же смогли закрепиться на одном участке. Несколько солдат ворвались на стену, завязался рукопашный бой.

Марк увидел это и рванул туда, выхватив меч.

— За мной!

Он врубился в толпу врагов, работая мечом как молотом. Сталь звенела, кровь брызгала, тела падали. Рядом рубился Норт, его рыжая борода быстро стала красной.

Через минуту всё было кончено. Последний гирдиец рухнул со стены вниз.

Марк тяжело дышал, опираясь на меч.

— Отбили, — выдохнул он. — Норт, цел?

— Жив, — отозвался тот, вытирая кровь с лица. — Но долго мы не продержимся, брат.

Отступление гирдийцев

Внизу затрубили рога — сигнал к отступлению. Гирдийцы откатывались назад, оставляя под стенами сотни тел.

Кайл смотрел на это, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

— Завтра, — процедил он сквозь зубы. — Завтра я сотру эту крепость в пыль.

Никто ему не ответил. Даже свита молчала.

На стенах после боя

Марк стоял у края стены, глядя на уходящего врага.

— Норт, — позвал он тихо.

— Да?

— Ты прав. Долго мы не продержимся. Но один день мы уже выиграли.

Норт кивнул.

— Сколько у нас осталось?

Марк посмотрел на небо, прикинул.

— Если будут так же лезть — неделя. Если придумают что-то умное — меньше.

— А если помощь не придёт?

Марк усмехнулся, хлопнул брата по плечу.

— Тогда умрём красиво.

Они стояли вдвоём на стене, глядя на заходящее солнце. Внизу догорали остатки осадных лестниц, и ветер разносил пепел по полю.

Шло время осады продолжалась, Кайл поубавил свой пыл, но насадить на пики, тех стариков, еще очень жаждал. Крепость за эти две недели осады изрядно потрепана, солдаты империи вымотаны, но стоят, провизии нет, снаряжение нет.

Как бы солдаты Гирдии не пытались стены они взять никак не могли. Осадные башни уничтожены, а большинство лестниц разбиты вдребезги.

Утро пятнадцатого дня.

Солнце поднималось над Дол-Варом, но его лучи уже не находили целых стен. Две недели осады превратили крепость в израненного зверя: башни почернели от огня, зубцы

стен осыпались, ворота держались на честном слове и магии.

На стенах защитники еле стояли на ногах. Лица серые от усталости, глаза впали, руки дрожат — но никто не уходил.

— Стрелы! Ещё нужны стрелы! — крикнул кто-то.

— Сука, нет стрел! — рывкнул в ответ десятник. — Кидай камни! Отбивай камнями!

Солдаты хватали обломки стен, булыжники, всё, что могло лететь, и швыряли вниз, на лезущих гирдийцев. Каждый камень находил цель, но врагов было слишком много.

Внизу, в лагере гирдийцев.

Кайл стоял у шатра, глядя на крепость. Его мундир уже не был идеальным — пыль, пятна пота, под глазами тени. Он не спал третьи сутки.

Перед ним стояли военачальники. Усталые, злые, в пыли.

— Генерал, это самоубийство! — выпалил один, не в силах больше молчать. — Мы уже потеряли больше двух тысяч! Они держатся, как бешеные псы! Каждый камень, каждая стрела — в наших!

Кайл молчал. Он смотрел на стены, и в его глазах горело что-то новое. Не ярость. Решимость.

— Пушка готова? — спросил он сухо, облизнув пересохшие губы.

Военачальники переглянулись.

— Да, генерал. Заряжена и наведена.

Кайл кивнул, медленно, как будто решая что-то внутри себя.

— Уничтожить ворота. Взрывом. Все силы — внутрь. Исполнить.

— Но генерал, если мы взорвём ворота, они пойдут в пролом, но потери...

— Исполнить! — оборвал Кайл. Голос его был тихим, но таким, что спорить расхотелось. — Я сказал. Ворота. Все силы. Сегодня.

На стенах Марк заметил движение вниз. Что-то большое, громоздкое, выкатывали из рядов гирдийцев.

— Норт, — позвал он тихо. — Глянь.

Норт подошёл, прищурился.

— Пушка... — выдохнул он. — У них пушка, брат.

Марк усмехнулся. Устало, горько.

— Дождались. Две недели держались, а теперь...

Он обернулся к солдатам. Те смотрели на него — кто с надеждой, кто с обречённостью, кто с усталым безразличием.

— Ребята, — сказал Марк негромко, но так, что слышали все. — Сейчас они вынесут ворота. Полезут внутрь. У нас нет стрел, нет еды, нет сил. Но у нас есть... — он постучал кулаком по груди, — это. Сердце.

— ЗА ИМПЕРИЮ! — крикнул кто-то.

Крик подхватили, но он был слабее, чем в первый день. Солдаты устали. Но стояли.

Грохот разорвал тишину. Ядро ударило в ворота, и те, продержавшиеся две недели, разлетелись в щепки. Магический барьер, питаемый последними силами магов, лопнул,

как мыльный пузырь.

— ВПЕРЁД! — заорали внизу.

Гирдийцы хлынули в пролом, как вода в прорванную плотину.

Марк выхватил меч.

— Брат, — сказал он, глядя Норту в глаза. — Если мы сегодня умрём — умрём красиво.

Норт усмехнулся, поправил перевязь.

— Я всегда знал, что ты романтик, Марк.

Они шагнули навстречу врагу. За ними — последние защитники Дол-Вара.

Дождь обрушился внезапно, словно небо разверзлось водопадом.

Удар — доспех разорвало.

Удар — шлем проломил череп.

Удар — ноги хрустнули, и тело рухнуло наземь.

— Ну что, псы гирдийские? — Марк взмахнул молотом, и очередной солдат отлетел в сторону. Вода стекала по его доспехам ручьями. — Меня на всех хватит!

Рядом, молча, работал Норт. Огненный меч шипел под дождём, пар поднимался над клинком, но пламя не гасло. Он сдерживал натиск, с другой стороны, не давая врагу пройти.

Два брата стояли в проёме ворот. Два брата против целой армии.

И вдруг — молния.

Она ударила точно в мост, соединяющий землю с ворота-

ми, разнеся его в щепки. Гирдийцы, не успевшие перейти, попадали в ров.

— АХА-ХА-ХА! — рассмеялся Марк, запрокинув голову. — Император милостив! Сама природа за нас!

Но смех оборвался.

Глухой удар сотряс землю — словно с неба рухнул валун. Пыль рассеялась, и в центре воронки стоял человек.

Чёрный плащ, длинные волосы, лицо в шрамах.

Вальгельм.

Кайл, наблюдавший за битвой с холма, выдохнул сквозь зубы:

— Сука... колдун, наконец-то.

Вальгельм творил заклинание. Воздух вокруг него заискрился, цепная молния уже готова была сорваться с пальцев.

Марк и Норт стукнулись оружием — молотом и мечом. Звон разнёсся над полем.

— Красиво, как в легендах, брат, — сказал Марк, глядя в глаза Норту.

— Красиво, как герои Империи, брат, — ответил Норт.

Вальгельм занёс руку для удара.

Но сбоку, прямо в воздухе, раскрылся портал.

И из него, как пушечное ядро, вылетел чистый сгусток магии. Он врезался Вальгельму в бок, отбросив колдуна на несколько метров. Тот рухнул в грязь, подняв тучу брызг.

Кайл, наблюдавший за битвой с холма, выдохнул сквозь зубы:

— Блять... ещё один.

Из портала шагнул человек в чёрном. Мокрый плащ, в руке меч, руны полыхали холодным синим цветом, который ещё дымился после заклинания.

— Новое заклинание, колдун, — сказал он, глядя на поднимающегося Вальгельма. — Как тебе? Все кости сломаны?

Вальгельм поднялся из грязи медленно, как будто время текло иначе. Он отряхнул плащ, поправил волосы, и только потом посмотрел на меня.

— Ты, — сказал он тихо, но голос разнёсся по всей площади.

— Я, — ответил Леонард, опуская меч в землю. — Соскучился?

Вальгельм не ответил. Вместо этого он выбросил руку вперёд, и из земли вырвались чёрные шипы, целясь прямо в меня.

Я даже не шелохнулся. Шипы рассыпались в пыль, не долетев до меня и метра.

— Плохое заклинание, — заметил Леонард. — У тебя магия кончилась или просто руки кривые?

Вальгельм рванул вперёд, выхватив меч. Его клинок источал тьму, и каждый взмах оставлял в воздухе чёрный след.

Первый удар пришёлся сверху — я принял его на меч, искры брызнули в стороны. Второй — сбоку, я ушёл в сторону, но лезвие полоснуло по плащу. Третий — снизу, я отбил и сразу контратаковал, целясь в корпус.

Вальгельм блокировал, но отшатнулся.

— Ты быстрее, чем в прошлый раз, — процедил он.

— А ты — нет, — ответил Леонард и пошёл в атаку.

Леонард рубанул справа — он парировал. Слева — он ушёл. Леонард ударил снизу — он отпрыгнул. Мечи звенели, искры летели во все стороны, дождь шипел на раскалённом металле.

— Огонь! — крикнул Леонард, и сгусток пламени вырвался из свободной руки.

Вальгельм выставил щит — огонь разбился о него, не причинив вреда.

— Слабо, — усмехнулся он.

Леонард не ответил. Вместо этого Леонард соединил две стихии — огонь и молнию. Шар засиял белым светом, воздух вокруг затрещал.

— А это?

Вальгельм побледнел. Он попытался уйти в сторону, но я уже выпустил заклинание. Оно ударило его в плечо, разорвало плащ, обожгло кожу. Он закричал и отлетел назад, кубарем покотившись по земле.

Но и Леонард не удержался. Магия откатилась назад, ударив по мне с той же силой. В глазах потемнело, но я устоял.

Вальгельм лежал в грязи, тяжело дыша. Я подошёл, меч наготове.

— Убей меня, — прохрипел он. — И я наконец отдохну. Я занёс меч. И замер.

— Нет, — сказал Леонард. — Ты умрёшь не сегодня.
Я опустил меч и отошёл.

— Почему? — выдохнул Вальгельм.

— Потому что твоя смерть ничего не изменит. А ты ещё
пригодишься.

Леонард развернулся и пошёл к братьям. Вальгельм остался
лежать в грязи, глядя в небо.

— Ха... глупый малец... ещё пригодишься?

Марк и Норт смотрели на Леонарда, как на пришельца.

— Ты кто вообще такой? — спросил Марк, опуская молот.
Голос его был хриплым, но в глазах мелькнуло что-то вроде
надежды.

— Леонард Форд, — ответил я, убирая меч в ножны. —
Наёмник. Из отряда «Уган».

Марк присвистнул, хотя на его лице ещё застыла кровь.

— «Уган»? Слышал. Говорят, у вас там сам герой Рой-
нинга.

Леонард промолчал. Только усмехнулся краем губ.

Норт вытер кровь с лица, покачал головой. Он опирался
на меч, и я видел, как дрожат его руки — не от страха, от
усталости.

— Веселье ещё не кончилось, — сказал он. — У них там
армия.

Леонард посмотрел на гирдийцев. Они замерли в нерешительности. Без колдуна, без командира они напоминали стадо, потерявшее вожака. Кто-то оглядывался на холм, где сто-

ял Кайл.

А Кайл смотрел вниз. Его лицо было белым, кулаки сжаты. Он видел, как рухнул Вальгельм, как его солдаты остановились.

— Генерал, — сказал кто-то из офицеров. — Нам нужно... мы должны...

— Отступаем, — тихо сказал Кайл.

— Что?

— Я сказал — отступаем! — крикнул он, и в его голосе не было прежней бравады. Только горечь и стыд.

Он развернулся и пошёл к лошади, не глядя на крепость.

Внизу зашевелились. Кто-то бросил меч, кто-то побежал. Началось отступление.

Леонард повернулся к братьям.

— Армия без командира и без колдуна — просто толпа, — сказал Леонард. — Долго они не вернутся.

Марк посмотрел на меня долгим взглядом. Потом протянул руку.

— Спасибо, — сказал он. — Мы не забыли бы тебя, даже если б захотели.

Я пожал его руку.

— Не стоит, — ответил Леонард. — Я просто делал свою работу.

Глава 6. Карн

Глава 6. Карн

Пока на севере, у Дол-Вара, гремели тяжёлые бои, на западе война шла своим, не менее жестоким путём. Здесь не было ледяных равнин и длинных линий фронта — здесь всё решали камень, высота и упрямство людей, загнанных в угол.

Целью генерала Ронга стал Карн.

Крепость, которую годами считали неприступной, стояла на скалистом утёсе, вцепившись в камень так, будто сама боялась сорваться вниз. Её стены поднимались на три человеческих роста — грубые, тёмные, словно выросшие прямо из скалы. Ворота — дубовые, окованные железом, толщиной почти с борт осадной башни. Подъём к крепости был узким и простреливался со всех сторон.

Идеальное место для обороны.

Ужасное — для штурма.

Внутри Карна гарнизон готовился не к победе, а к смерти. На стенах почти не шутили, в казармах говорили вполголоса, а в глазах солдат стояло то тяжёлое понимание, которое приходит лишь тогда, когда все уже всё поняли, но вслух ещё не произнесли. Подкреплений не будет. Еды осталось мало. Стрел — ещё меньше. А враг уже под стенами.

Командир крепости, старый ветеран с седыми висками, обходил посты, проверял караулы и подбадривал солдат. Он

двигался медленно, но твёрдо — как человек, который слишком много раз видел осаду и слишком хорошо знал, чем она заканчивается, если снаружи стоит упорный враг, а внутри пустеют склады.

За спиной его звали Разорителем.

Настоящее имя давно стёрлось. Даже офицеры чаще пользовались прозвищем, полученным ещё в восточной кампании, где он за месяц сравнял с землёй три крепости. Тогда это имя звучало как угроза. Теперь — почти как насмешка судьбы.

Потому что теперь Разоритель сам сидел за стенами и ждал штурма.

Снаружи, на возвышенности перед лагерем, стоял генерал Ронг.

Его тоже звали по-разному. В лицо — «генерал». За спиной — «Крушитель».

Он долго смотрел на Карн, шурясь, будто пытался найти в кладке слабое место. Но крепость сидела на скале крепко и уверенно, словно издевалась над самой мыслью о штурме.

Ронг сплюнул под ноги, облизнул пересохшие губы и усмехнулся.

— Красиво сидят, — негромко сказал он. — Разоритель, значит...

Он ещё раз окинул взглядом стены, башни, узкий подъём к воротам.

— Ничего. Выковыряем.

Потом резко обернулся к офицерам.

— Готовиться к осаде!

Приказ ударил по лагерю, как плеть.

Солдаты сорвались с мест. Инженеры потащили брёвна и канаты, принялись собирать требушеты и катапульты. Кузнецы раздували горны. Маги раскладывали у шатров знаки и амулеты, готовя заклинания для разрушения кладки и прикрытия штурмовых отрядов. Обозные, ругаясь, катили камни к машинам. Всё вокруг пришло в движение — быстрое, злое, привычное.

Армия готовилась ломать Карн.

На стене Разоритель молча наблюдал за этой суетой. С каждым часом вражеский лагерь становился плотнее, собраннее, опаснее. Теперь уже никто в крепости не питал иллюзий. Ронг пришёл не пугать. Он пришёл брать.

К командиру подошёл интендант.

— Сколько у нас стрел? — спросил Разоритель, не сводя глаз с лагеря.

— На два дня, господин командор. Может, на три, если беречь.

— А еды?

Интендант замялся.

— Если урезать пайки — дней на десять. Может, чуть больше.

Разоритель кивнул.

— Понятно.

Он повернулся к солдатам, стоявшим вдоль стены. Те сразу притихли. Кто-то опёрся на копье, кто-то крепче сжал лук, кто-то просто ждал, не моргая.

— Ребята, — сказал командор.

Голос его был негромким, но по стене разошёлся отчётливо.

— Подкреплений не будет. Ни сегодня, ни завтра. Мы здесь одни.

Над бойницами повисла тишина.

Он не стал утешать их ложью. Не стал обещать помощь, которой не было.

— Но пока мы стоим, Карн не пал, — продолжил он. — Пока мы держим эти стены, они будут платить кровью за каждый шаг. А если нам суждено здесь умереть, пусть потом вспоминают не нашу смерть, а то, сколько им пришлось за неё отдать.

Он провёл взглядом по лицам солдат.

— Мы — люди Гирдии. И покажем этим свиньям, что даже умирать умеем с достоинством.

Кто-то хрипло крикнул:

— За Гирдию!

Крик подхватили. Не громко, не стройно — но честно.

Солдаты устали ещё до начала штурма.

Но стояли.

На рассвете осада началась.

Первый камень, выпущенный требушетом, тяжело взмыл в серое небо и с грохотом ударил в стену Карна. За ним пошёл второй. Потом третий. Вскоре воздух наполнился свистом снарядов, треском дерева, криками и гулом ударов. Стены дрожали, башни осыпались каменной пылью, по кладке побежали трещины.

Со стен били в ответ. Стрелы густо сыпались вниз, защитники сбрасывали камни, лили смолу, сталкивали лестницы. В узком подъёме к воротам люди гибли десятками: одни срывались вниз, других давили свои же, третьих крошили сверху валунами.

Но Ронг не отводил войска.

Три дня армия долбила Карн без передышки.

Днём катапульты разбивали стены. Ночью инженеры чинили машины и подтаскивали новые брёвна к таранам. Маги выжигали защитные чары на воротах, а пехота снова и снова шла к стенам, оставляя под ними тела.

К исходу третьего дня под крепостью уже стоял густой запах крови, дыма и мокрого камня. Земля перед стенами превратилась в вязкое месиво, в котором сапоги тонули по щиколотку. Там валялись сломанные лестницы, расколотые щиты и мёртвые — так плотно, что местами по ним уже приходилось идти, как по настилу.

На стенах было не легче.

Защитники спали урывками, ели на ходу, стреляли до крови на пальцах. Воду экономили. Раненых перевязывали

прямо у бойниц. Стрелы вытаскивали из тел убитых врагов и пускали обратно. Люди едва держались на ногах.

Разоритель ходил вдоль стены, хрипло подбадривая солдат:

— Держитесь! Они устают быстрее нас! Ещё немного — и захлебнутся!

Солдаты кивали.

Но глаза командора говорили другое. Он видел, как редуют ряды, как пустеют колчаны, как всё чаще люди не успевают отойти от одной бреши, прежде чем приходится бежать к другой.

На четвёртый день Ронг приказал усилить обстрел.

С рассвета по Карну били так, словно хотели не взять крепость, а стереть её с утёса. Камни посыпались градом. Один из них ударил в башню с такой силой, что верхний ярус рухнул вниз, погребя под собой десяток защитников. Пыль заволокла полстены. Из пролома донёсся крик, потом новый залп — и крик оборвался.

К Ронгу подбежал запыхавшийся офицер. Лицо у него было в саже, шлем съехал набок.

— Генерал! Потери уже под тысячу! Люди выдохлись! Ещё день такого штурма — и шеренги посыплются!

Ронг даже не обернулся. Он стоял, прищурившись, и смотрел на ворота.

— Завтра пойдём снова, — сказал он.

Офицер замер.

— Но, генерал...

Теперь Ронг повернул голову.

— Ты видишь другой путь? — тихо спросил он.

Офицер промолчал.

— Вот и я не вижу, — отрезал Ронг. — Значит, пойдём этим.

Пятый день не принёс прорыва. Имперцы опять шли к стенам, ставили лестницы, цеплялись за каждый выступ и снова откатывались назад. Но кое-что изменилось: защитники уже не отбивали штурмы так уверенно, как в начале. Стрелы летели реже. Ответные крики на стенах звучали слабее. Там, где прежде стояла плотная линия щитов, теперь темнели прорехи.

Карн ещё держался — но уже на одном упрямстве.

К вечеру в шатре Ронга повисла тяжёлая, вязкая тишина. Офицеры стояли над картой, стараясь не смотреть друг на друга. Снаружи доносились стоны раненых, грохот ремонта осадных машин и редкие выкрики караульных.

Ронг медленно водил пальцем по линиям скал, ворот и стен.

— Они думают, что мы устанем, — сказал он наконец. — Думают, ещё день-два — и мы снимем осаду. Пойдём искать обход. Начнём считать убитых и жалеть живых.

Он поднял голову. В глазах горел холодный, упрямый огонь.

— А мы не отступим. Будем бить в одни и те же ворота, пока они не рухнут. Будем терять людей — и каждым таким днём приближаться к победе.

Один из офицеров осторожно кашлянул.

— Генерал, может, всё-таки ударить с другой стороны? Обойти?

Ронг усмехнулся.

— Обойти? Там скалы, капитан. Там даже козы не пройдут. Нет. Пойдём в лоб. Потому что в лоб — это по-нашему. Больше никто не спорил.

На шестой день штурм не стихал ни на час. Осадные машины били почти без пауз, словно Ронг решил задавить крепость не только силой, но и самим ритмом войны — не дать защитникам ни выдохнуть, ни собраться, ни поверить, что ночь принесёт отдых. Ворота стонали под ударами тарана. Внутренние балки трещали. Люди в крепости уже не говорили о победе. Теперь спорили только о том, сколько ещё продержатся створки.

На седьмой день они дрогнули.

Сначала — едва заметно. Потом сильнее. Потом треснула внутренняя балка — протяжно, с хрустом, от которого у многих по обе стороны стен невольно сжались челюсти.

— Держать! — заорали сверху.

Но было поздно.

Очередной удар тарана врезался в створки, и правая пода-

лась внутрь. Кто-то ещё успел крикнуть, чтобы тащили подпорный брус, но следующий удар сорвал ворота с места.

— Пролом!

И в ту же секунду в брешь хлынули солдаты Империи.

Первые мгновения решили всё. Кто занимал проход, тот и выживал.

То, что началось на улицах Карна, уже не было штурмом. Это была резня.

Узкие проходы, дворы, лестницы, каменные арки — всё превратилось в отдельные очаги боя. Здесь уже нельзя было держать строй красиво и правильно. Здесь рубили в упор, били щитами в лицо, скользили на крови, падали на мёртвых и поднимались снова.

Ронг шёл в первых рядах.

Как всегда.

Меч его давно затупился, и теперь он не столько резал, сколько ломал и крушил. Удар в шлем. Толчок щитом. Шаг вперёд. Ещё удар. Кровь стекала по доспехам, смешиваясь с грязью и сажей, но он не останавливался.

— ВПЕРЁД! — ревел Ронг, перекрывая грохот боя. — НЕ СМЕТЬ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ!

И солдаты шли.

Не только из страха перед приказом. И не только потому, что сзади подпирали свои. Они шли ещё и потому, что видели: этот старик, которого давно можно было бы оставить в штабе, рубится рядом с ними, дышит тем же дымом и сту-

падет по той же крови. А значит, и им нельзя было дрогнуть.

Защитники Карна дрались до конца. Разоритель собрал остатки гарнизона у внутренней площади и пытался удержать последний рубеж. Людей у него почти не осталось, но отступать было уже некуда. Он бился молча, устало, с тем страшным упорством, которое рождается не из надежды, а из понимания, что всё уже решено, — и всё же надо стоять, пока можешь держать меч.

Когда стих последний крик, Карн пал.

На центральной площади Ронг стоял, опираясь на меч. Вокруг лежали горы тел. Свои и чужие перемешались так тесно, что уже нельзя было разобрать, кто умирал, защищая крепость, а кто — беря её. Кровь стекала по камням тонкими тёмными ручьями. Над городом висел дым. Где-то ещё стонали раненные, но главная ярость боя уже ушла, уступив место тяжёлой, глухой тишине.

— Карн наш, — прохрипел Ронг. — Доложите командованию.

Офицер, стоявший рядом, ответил не сразу. Он смотрел на площадь так, будто только теперь до него дошла настоящая цена победы.

— Что? — спросил Ронг.

— Мы потеряли почти половину армии, генерал.

Ронг перевёл на него взгляд. Тяжёлый, усталый, но спокойный.

— Мы взяли крепость, которую нельзя было взять, — ска-

зал он. — Половина — это цена. И я её заплатил.

Он повернулся и пошёл прочь, оставляя за собой кровавые следы.

Штабная палатка Империи гудела, как растревоженный улей. Офицеры склонились над картами, курьеры влетали и вылетали, не успевая откидывать полог. Кто-то считал остатки полков, кто-то уточнял снабжение, кто-то уже прокладывал новые маршруты через перевалы.

Когда внутрь вошёл генерал Ронг, в палатке стало тише.

Он всё ещё был в доспехах, забрызганных грязью и кровью. Лицо — в саже, на щеке запёкшаяся тёмная полоса. Вид у него был такой, будто он вышел не с военного совета, а прямо из пасти битвы.

— Карн наш, — сказал он без предисловий.

Главнокомандующий поднял голову.

— Потери?

Ронг выдержал короткую паузу.

— Половина армии.

По палатке прокатилось тяжёлое молчание. Кто-то шумно выдохнул. Кто-то отвёл глаза. Главнокомандующий медленно сжал губы.

— Половина? — переспросил он. — Ты мог обойти крепость, Ронг. Зачем этот штурм? Зачем эти жертвы?

Ронг посмотрел ему прямо в глаза.

— Обойти? Там скалы, ваше превосходительство. Там да-

же козы не пройдут. Оставить Карн в тылу — значит оставить нож у горла дороги.

Он шагнул к столу и ткнул пальцем в карту.

— Пока стоял Карн, стояло и всё наступление. Они могли ударить нам во фланг, перерезать обозы, сорвать продвижение через перевал. Мы не могли идти дальше, пока эта крепость жила.

На мгновение он умолк, потом добавил уже тише:

— А жертвы... Война всегда берёт своё. Сегодня она взяла половину моей армии. Но за это отдала нам западные ворота.

Главнокомандующий долго смотрел на него. Потом медленно кивнул.

— Что дальше?

Ронг снова указал на карту, севернее Карна.

— Северная граница Империи больше не под угрозой. Гирдийцы откатились за перевалы. Дорога открыта.

Главнокомандующий провёл взглядом по линии дорог.

— К столице Гирдии, — тихо сказал он.

— Именно, — подтвердил Ронг. — Теперь мы не обороняемся.

Он выпрямился.

— Теперь мы наступаем.

Глава 7. Керн

Марш на столицу

Имперские войска шли по землям Гирдии не как завоеватели.

Они шли как люди, которым приходилось добивать войну, уже сожравшую всё, что могла.

Три армии соединились в одну. Огромная масса людей, лошадей, обозов, осадных машин и магов медленно двигалась вглубь страны, к Керну — столице Гирдии. Колонны тянулись на мили: впереди авангард, за ним пехота, потом обозы, орудия, кавалерия, санитарные повозки, телеги с камнями для катапульт, связки копий, мешки с зерном, бочки воды.

Армия выглядела как сила, способная переломить историю.

Но по сторонам этой силы лежала страна, которую уже переломали.

Разрушенные деревни.

Сгоревшие поля.

Брошенные дома с выбитыми дверями.

Трупы вдоль дорог — не солдат, а крестьян, женщин, стариков.

Свои же вырезали своих, отступая, грабя, срывая злость, спасая остатки снабжения, уничтожая то, что не хотели

оставлять врагу.

Ворон, ехавший впереди колонны рядом с Леонардом, сплюнул в пыль и покачал головой.

— Свой же народ... Вот изверги.

Рядом на коне молчал Леонард. Его взгляд скользил по пепелищам, и от этого молчания становилось тяжелее любых слов.

Сбоку пристроился Берт.

— А чего ты ждал от войны? — хмуро сказал он. — Тем более от такой затяжной.

Ворон не сразу ответил.

— Я думал, мы идём против армии, — сказал он наконец. — А выходит, ещё и против того, что от неё осталось. Против страха. Против голода. Против людей, которых эта армия должна была защищать.

Леонард посмотрел на догорающий остов дома, чёрный на фоне серого неба.

— Война всегда так, — сказал Леонард. — Сначала бьют по солдатам. Потом по городам. А под конец — по всему, что ещё шевелится.

Никто не спорил.

Колонна шла дальше. Колёса телег скрипели. Где-то кашляли раненые. Лошади тяжело храпели, переступая через колеи и ямы. Слева на обочине лежала перевернутая повозка, рядом — детская кукла в грязи.

Леонард отвёл взгляд.

— И чем дольше тянется война, — добавил Леонард тише, — тем меньше людям есть дело до того, кто был прав в начале.

Ворон покосился на Леонарда.

— Ты когда-нибудь думал, что будет после?

— После чего?

— После войны.

Леонард некоторое время молчал.

— Нет, — сказал Леонард. — Думать об этом — значит надеяться, что доживёшь.

Ворон усмехнулся без радости.

— Честно.

— Зато полезно, — буркнул Берт.

Никто больше не говорил.

К вечеру впереди, в серой дымке, показались стены Керна.

Лагерь у стен столицы

Имперская армия развернулась недалеко от столицы быстро и слаженно, как отработанный механизм. Шатры вставали рядами. Осадные машины подтягивали ближе к позициям. Инженеры уже вымеряли дистанцию до стен. Маги отмечали места, где можно будет бить по укреплениям заклинаниями, не задев свои штурмовые отряды.

В главной палатке командование готовилось к осаде.

Офицеры склонились над картами, спорили о слабых местах обороны, о порядке обстрела, о том, где ставить тара-

ны и как перекрыть возможные вылазки. Столица ещё держалась, но все понимали: после падения Карна исход войны решался уже не где-то на границе, а здесь.

Почти одновременно, в другой палатке, решалась судьба двух пленных.

Кайла и Вальгельма.

Леонард вошёл туда как раз в тот момент, когда командир отряда «Таран» — грубый, широкоплечий мужчина с одним слепым глазом — обвёл их тяжёлым взглядом и сказал:

— Убить обоих.

Сказал спокойно. Будто речь шла не о людях, а о лишнях лошадях.

Кайл дёрнулся в путах и вскинул голову.

— Как это — убить?! — процедил он сквозь зубы. — Ты хоть знаешь, кто мой брат? Если вы меня не отпустите, вы все тут ляжете! Я сам вас...

Удар в живот согнул его пополам.

Он захрипел, закашлялся, пытаясь вдохнуть.

Леонард смотрел на него молча.

Молодой. Самоуверенный. Ещё недавно наглый. Теперь — избитый, злой и уже надломленный. Он напомнил Леонарду кого-то далёкого и неприятно знакомого. Не себя нынешнего. Другого себя — того, кто когда-то ещё верил, что война состоит из громких слов, правильных сторон и красивых побед.

— Угх... сука... — прохрипел Кайл.

— Заткнись, гирдийская шавка, — бросил Марк Ротвер, командир «Молота». — Энхерт ещё увидит, чем кончают такие, как вы. Может, голову твою на пике ему и покажем.

Он перевёл взгляд на второго пленника.

— А этот колдун?

Вальгельм сидел молча. Руки его были скованы магическими путами. Лицо в грязи, губа разбита, волосы слиплись от пота и пыли. Но в глазах ещё жила та опасная, упрямая искра, которая бывает у людей, слишком долго выживавших вопреки здравому смыслу.

— Я думаю, ему можно дать шанс, — сказал Леонард.

— Чего? — Кайл даже перестал задыхаться и уставился на Леонарда так, будто я сошёл с ума. — Ему, значит, шанс? А я...

Второй удар заставил его замолчать.

Марк нахмурился.

— С чего это нам отпускать его? Он маг. Ещё опасен. Доберётся до Керна, предупредит своих, а мы потом будем расхлёбывать.

— Не предупредит, — ответил Леонард.

— А если предупредит?

Леонард посмотрел на Марка прямо.

— Тогда я сотру его в порошок раньше, чем он успеет открыть рот.

В палатке стало тише.

Командиры переглянулись. Спорить с магом моего уров-

ня, да ещё с человеком, которого после последних боёв уже называли одним из героев кампании, было делом небезопасным. Не из уважения. Из расчёта.

Слепой командир «Тарана» хмыкнул.

— Забирайте этого колдуна, господин Форд. Ваше дело, что с ним делать. Но если он доставит нам хоть малейшие проблемы, отвечать будете вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.